

ОБСУЖДЕНИЯ И ДИСКУССИИ: НОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

НОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПЕРВЫЕ ШАГИ, СУЩНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ*

Р. РИХТЕР

Университет земли Саар, Германия

В первой части статьи¹ описывается история использования термина «новая институциональная экономическая теория» (НИЭТ), начиная с того времени, когда он был введен в научный оборот Оливером Уильямсоном. На основе анализа изданий, опубликованных по итогам конференций по НИЭТ, а также коллективных сборников научных трудов, выпущенных в 1984–1997 гг., показано, как данный термин эволюционировал от неологизма к стандартному и общепризнанному. В 1997 г. было основано Международное общество по новой институциональной экономической теории. Рональд Коуз, Даглас Норт и Оливер Уильямсон выступали движущей силой этого развития. Во второй части статьи на базе основополагающих концепций Уильямсона и Норта раскрывается сущность НИЭТ, сравниваются между собой идеи этих двух протагонистов нового направления, а также излагаются и подвергаются оценке наиболее известные критические замечания в их адрес. Заключительная часть касается возможностей расширения и углубления целей НИЭТ, а также ее аналитического стиля. В статье делается вывод о том, что потенциальные возможности НИЭТ далеко не исчерпаны.

¹ Скорректированная версия статьи, которая была написана в Гуверовском институте Стэнфордского университета осенью 2003 г. и обсуждалась сначала — 4 декабря 2003 г. — в Центре новой институциональной социологии Университета Вашингтона (г. Сент-Луис, США), а затем — 19 октября 2005 г. — на факультете менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. Хочу выразить искреннюю признательность Фонду Тиссена за финансовую поддержку. Я благодарен Джону Дробаку (Университет Вашингтона), Яну Кменту (Мичиганский университет), Эрику Г. Фуруботну (Техасский университет сельского хозяйства и машиностроения), Валерию Катъкало и Наталье Дроздовой (Санкт-Петербургский государственный университет) за ценные комментарии, а также Рейнеру Калмсу (главному редактору журнала *European Business Organization Law Review*) за его вдумчивые предложения. За любые оставшиеся ошибки несет ответственность только сам автор.

* Первоначальный вариант статьи был опубликован в *European Business Organization Law Review*. 2005. 6 (2): 161–200.

© R. Richter, 2006

© Н. П. Дроздова, перевод с англ., 2006

В данной статье рассматриваются ранние стадии развития, значение и перспективы той области экономической науки, которая ныне известна как «новая институциональная экономическая теория» (New institutional economics). Этот оригинальный термин был введен в научный оборот Оливером Уильямсоном [Williamson, 1975, p. 1] и довольно быстро стал стандартом (или знаменем), вокруг которого сплотилась группа разных экономистов, исповедующих одни и те же общие интеллектуальные основы: институты имеют значение, взаимосвязи между институциональной структурой и экономическим поведением требуют изучения, основополагающие характеристики институтов могут быть проанализированы с помощью экономической теории.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Вводные замечания

То, что институты имеют значение для результатов функционирования экономики, — старая и в сущности правдоподобная интеллектуальная позиция. Однако на протяжении первой половины XX в. в связи с тем, что применение математического аппарата в неоклассической теории прогрессировало и экономические модели становились все более и более абстрактными, институциональным явлениям уделялось все меньше внимания. Таким образом, в том разделе экономической теории, который в период 1980-х гг. можно рассматривать как мейнстрим (представленный экономикой благосостояния и моделями общего равновесия Эрроу–Дебре), институты вообще не играют никакой роли. Другими словами, не имеет значения, обмениваются ли товары и услуги посредством денег или каким-либо иным образом [Samuelson, 1968], а также то, как осуществляется производство — на основе

ценового механизма в рамках рынков или в пределах иерархически организованной фирмы [Coase, 1937] и т. п. Не удивительно, что этим крайним взглядам вскоре были противопоставлены различные направления экономического институционализма обновленного толка. Среди тех, кто внес выдающийся вклад в данную область исследований, — Коуз [Coase, 1937; 1960], Алчиан [Alchian, 1961], Бьюкенен и Таллок [Buchanan, Tullock, 1962], Олсон [Olson, 1965], Уильямсон [Williamson, 1971; 1975], Норт и Томас [North, Thomas, 1973]. И это — лишь немногие лидеры нового направления. С их именами связаны такие теории, как экономический анализ прав собственности, экономический анализ права, теория общественного выбора, конституционная экономика, теория коллективного действия, экономическая теория трансакционных издержек, теория принципал–агент, теория отношенческих контрактов и сравнительный анализ экономических систем. Общим для всех названных подходов является то, что в отличие от неоклассической экономической теории они не принимают институциональную структуру как изначально заданную, а превращают ее в объект исследования, стремясь рассмотреть влияние конкретных институциональных устройств на экономическое поведение. Разные авторы используют термин «новая институциональная экономическая теория» (НИЭТ) в качестве родового для различных комбинаций как вышеупомянутых, так и других предметных областей экономической науки. В данном разделе мы кратко рассмотрим историю калейдоскопического использования этого термина, чтобы проиллюстрировать эволюцию нового и, как мы убеждены, широко применимого набора методов экономического исследования.

НИЭТ и ее первое толкование

Оливер Уильямсон, который ввел в научный оборот термин «новая институциональная экономическая теория», тракту-

ет его достаточно широко. Под НИЭТ он понимает:

Отдельные аспекты магистральной микротехории, экономическую историю, экономическую теорию прав собственности, сравнительный анализ экономических систем, экономику труда и теорию отраслевой организации... Связующей нитью всех этих исследований было признание того, что:

- 1) общепринятая микротехория... оперирует на слишком высоком уровне абстракции, что не позволяет разумным образом обратиться к изучению многих важных микроэкономических явлений;
- 2) исследование «транзакции»... является ключевым вопросом и заслуживает того, чтобы ему снова уделялось внимание.²

Несколькими страницами ниже Уильямсон [Williamson, 1975, p. 7] следующим образом описывает основные различия между более ранней литературой и своим подходом:

- 1) по сравнению с предшествующими трактовками, я уделяю намного больше внимания рассмотрению различных проявлений ограниченной рациональности;
- 2) я в явном виде ввожу понятие оппортунизма и интересуюсь, каким образом экономическая организация влияет на оппортунистическое поведение; а также
- 3) подчеркиваю, что провалы рынка обусловлены не неопределенностью или малым числом участников, порознь и вместе, а скорее соединением этих факторов с ограниченной рациональностью, с одной стороны, и оппортунизмом — с другой, что приводит к увеличению трудностей обмена.

² Среди исследований, прямо или косвенно связанных с методологией НИЭТ, Уильямсон упоминает [Williamson, 1975, p. 1, n. 1]: [Alchian, Demsetz, 1972; 1973; Arrow, 1969; 1974; Davis, North, 1971; Doeringer, Piore, 1971; Kornai, 1971; Nelson, Winter, 1973; Ward, 1971], а также свои труды [Williamson, 1971; 1973].

В своих работах Уильямсон концентрирует внимание на том подходе, который позже он назвал экономической теорией транзакционных издержек, являющейся, по его словам, «частью новой институциональной экономической теории» [Williamson, 1985b, p. 16].

На протяжении последующих приблизительно пяти лет термин НИЭТ, кажется, пребывал в латентном состоянии. Однако Леонард Силк упомянул его в *New York Times* от 24 сентября 1980 г. как возможное «новое направление, которое постепенно позволит экономистам отойти от их утомительного повторения избитых и бесплодных аргументов».³ Лично для себя я «открыл» этот термин приблизительно в то же время на первой странице книги Уильямсона 1975 г. Незадолго до этого я стал редактором уважаемого журнала *Zeitschrift für gesamte Staatswissenschaft* (основанного в 1844 г.), который тогда выходил на немецком языке, а главное внимание в нем уделялось общим проблемам экономической теории.⁴ Мне хотелось придать *Zeitschrift* интернациональный характер, и я искал подходящую сферу научной специализации, нишу, близко примыкающую к его первоначальной области исследований — «всеобъемлющей науке о государстве».⁵ Теория общественного выбора, а также право и экономика были уже достаточно хорошо представлены в журналах, и поэтому новая институциональная экономическая теория в том смысле, который вкладывал в нее Оливер Уильямсон, как казалось, была многообещающим вариантом. Эрик Г. Фуруботн был готов помочь мне, и, недолго думая, мы вместе организовали ряд международных семинаров по НИЭТ с целью вдохнуть новую жизнь в старую *Zeitschrift*.

³ См.: [Langlois, 1986, p. 1].

⁴ Среди них в конце концов следует назвать работу Рейнхарда Зельтена 1965 г., за которую он впоследствии (в 1994 г.) получил Нобелевскую премию.

⁵ О теории государства в немецкой науке см.: [Lindenfeld, 1997].

Это произошло в 1983 г. Семинары, которые стали известны как «Валлерфангеновская конференция», с различными организаторами и в разных местах ежегодно проводятся вплоть до настоящего времени. Доклады и обсуждения публикуются в *Journal of Institutional and Theoretical Economics* (JITE) начиная с 1984 г.⁶

Краткая интерлюдия: два направления экономической мысли

Среди множества подходов к институциональной экономической теории для оценки НИЭТ особый интерес представляют два направления экономической мысли. С некоторыми оговорками они таковы:

1. Линия экономической мысли от, скажем, Дэвида Юма [Hume, 1739–1740] до К. Менгера [Menger, 1883], Ф. А. Хайека [Hayek, 1948; 1967], Р. Р. Нельсона и С. Дж. Уинтера [Nelson, Winter, 1982], М. Кирцнера [Kirzner, 1973], Д. Льюиса [Lewis, 1969], Э. Шоттера [Schotter, 1981], К. Бинмора [Binmore, 1994; 1998], А. Грайфа [Greif, 1998b], М. Аоки [Aoki, 2001]. Для этого направления характерно признание саморегулирующихся процессов в экономике. Трансакционные издержки не играют никакой объясняющей роли. Назовем данный подход «*институциональная экономическая теория с позиций „невидимой руки“*».

2. Другая линия мысли, начало которой можно приблизительно датировать работами Ф. Найта [Knight, 1922] и Дж. Р. Коммонса [Commons, 1934], ведет к Ч. Барнаду [Barnard, 1938], Ф. А. Хайеку [Hayek, 1945], Р. Коузу [Coase, 1937; 1960], Дж. М. Бьюкенену и Г. Таллоку [Buchanan, Tullock, 1962], М. Олсону [Olson, 1965], А. Чандлеру [Chandler, 1962; 1977], Г. Саймону [Simon, 1957; 1987], А. А. Алчиану [Alchian, 1961], К. Дж. Эр-

роу [Arrow, 1969], О. И. Уильямсону [Williamson, 1975; 1985b], Л. Дэвису и Д. С. Норту [Davis, North, 1971], а также к трудам Норта [North, 1981; 1990]. В рамках этого подхода трансакционные издержки (или информационные издержки) как объясняющий элемент играют решающую роль. За неимением лучшего термина назовем данный подход «*институциональная экономическая теория с позиций „видимой руки“*».

Замечание. Две вышеназванные линии экономической мысли никоим образом не должны восприниматься как указание на исторические корни НИЭТ. Вопрос об исторических корнях НИЭТ — довольно сложная проблема, которая выходит за рамки данной статьи. Что касается истории развития непосредственно НИЭТ, то мы ограничимся только одним вопросом, а именно: как термин «новая институциональная экономическая теория» эволюционировал к единому стандарту?

Эволюция термина НИЭТ к единому стандарту

Как упоминалось выше, термин «новая институциональная экономическая теория» стал более широко известен приблизительно с 1980 г., т. е. спустя пять лет после того, как он был отчеканен Оливером Уильямсоном [Williamson, 1975, p. 1]. Потребовалось еще три или четыре года на то, чтобы экономисты начали использовать его при формулировании тематики или названий своих публикаций. В экономической литературе термин НИЭТ не появлялся вплоть до 1984 г., но с этого времени он все чаще фигурирует в названиях журнальных статей, книг, публикаций в коллективных сборниках или в заявляемой проблематике конференций.⁷ Один простой способ почувствовать «пульс» нашей профессии — прочесть редакторские

⁶ Имена организаторов, тематика, содержание и списки участников состоявшегося к настоящему времени 21 семинара по НИЭТ представлены на сайте: <http://www.mpp-rdg.mpg.de/oekinst.html>

⁷ Начиная с 1984 г., когда в сборнике, опубликованном по итогам состоявшегося в 1983 г.

предисловия. Редакторы, возможно, являются проводниками (или регулировщиками) в нашем экономическом сообществе. Так почему бы не воспользоваться их суждениями в качестве инструмента для характеристики того, как шел процесс использования термина НИЭТ. Следуя этой стратегии, я собираюсь представить краткое обобщение и дать оценку комментариям редакторов к шести последовательно изданным коллективным сборникам, начав с вышеупомянутой первой публикации под редакцией Фуруботна и Рихтера, где появился термин НИЭТ [Furubotn, Richter, 1984a], и продолжив обзором коллективных сборников под редакцией Ланглуа [Langlois, 1986], Нейбли и Ньюджента [Nabli, Nugent, 1989a], Харриса, Хантера и Льюиса [Harris, Hunter, Lewis, 1995a], Дробака и Ная [Drobak, Nye, 1997a], а также Клэга [Clague, 1997a].

Какие области институциональной экономической теории действительно принадлежат НИЭТ?

Первый и в какой-то мере простой вопрос можно сформулировать следующим образом: какие специализированные научные области редакторы перечисленных коллективных сборников считают частью НИЭТ? Ответ таков, это:

- 1) экономическая теория прав собственности;
- 2) экономическая теория трансакционных издержек;
- 3) эволюционная экономика;
- 4) теория конституционного выбора (конституционная экономика);
- 5) теория коллективного действия;
- 6) теория общественного выбора;
- 7) экономическая теория контрактов;
- 8) новая институциональная экономическая история;
- 9) неоавстрийская школа.

Международного семинара по НИЭТ, было 4 статьи, в названии которых встречался этот термин [Furubotn, Richter, 1984a], до конца 2002 г. я насчитал 395 таких случаев.

Приводимая далее таблица демонстрирует то, какие научные области те или иные редакторы относят к НИЭТ.

Конечно, шесть рассматриваемых коллективных сборников с их редакторскими предисловиями не являются репрезентативной выборкой. Однако, возможно, не будет ошибкой полагать, что в таблице отражено преобладающее представление экономистов о том, какие научные области и в какой степени могут рассматриваться в качестве составных частей НИЭТ. Экономическая теория прав собственности и экономическая теория трансакционных издержек отнесены к ней со всей определенностью. Фактически за них «проголосовали» редакторы всех шести томов. Явное меньшинство редакторских комментариев (только 2 из 6) включает в НИЭТ теории контрактов, коллективного действия, общественного выбора, а также эволюционную экономику и новую институциональную экономическую историю. Такие области, как неоавстрийская школа и теория конституционного выбора, остались далеко позади, получив только по одному голосу. Большой вес, который придается экономическим теориям прав собственности и трансакционных издержек, свидетельствует в пользу нашего более раннего предположения о том, что концепции, располагающиеся в конце той линии экономической мысли, которая подходит к институциональной экономической теории с позиций «видимой руки», рассматриваются как составная часть «новой институциональной экономической теории».

Какими мыслительными конструкциями связаны между собой отдельные области НИЭТ?

Более сложно ответить на вопрос о том, какова общая модель используемых способов рассуждений, или какие мыслительные конструкции объединяют между собой экономистов, которые принад-

Таблица

Научные области, отнесенные редакторами коллективных сборников к НИЭТ

Научная область	Редакторы и год издания сборника					
	Фуруботн, Рихтер, 1984 г.	Ланглуа, 1986 г.	Нейбли, Ньюджент, 1989 г.	Харрис, Хантер, Льюис, 1995 г.	Дробак, Най, 1997 г.	Клэг, 1997 г.
Экономическая теория транзакционных издержек	X	X	X	X*	X	X
Экономическая теория прав собственности	X	X	X	X*	X	X
Эволюционная экономика	X**	X				
Теория общественного выбора, экономическая теория политики				X	X	
Экономическая теория контрактов			X			X
Новая институциональная экономическая история				X	X	
Неоавстрийская школа		X				
Теория конституционного выбора	X					
Теория коллективного действия			X			X

Примечания:

* Концепции транзакционных издержек и прав собственности подразумеваются неявно, поскольку подчеркивается огромное значение работ Коуза [Coase, 1937; 1960] и Норта [North, 1990].

** В последующих 11 коллективных сборниках Фуруботн и Рихтер исключили эту область.⁸

лежат к когорте ученых, работающих в русле НИЭТ? И снова мы опираемся на суждения редакторов шести названных коллективных сборников. Следуя хронологическому порядку, кратко изложим, как они обосновывают свое понимание НИЭТ.

Фуруботн и Рихтер [Furubotn, Richter, 1984b] утверждают, что в качестве основных принципов НИЭТ выступают традиционные постулаты неоклассической теории, т. е. методологический индивидуализм и принцип следования собственным интересам. Но в то время как в неоклассике влияние институциональной структуры полностью игнорируется или определено весьма небрежно, НИЭТ стремится

показать, что институты имеют значение. Более того, сами институты рассматриваются как вполне легитимные объекты экономического анализа. Другими словами, в основе единства НИЭТ лежат ее базовая методология и объекты аналитического исследования, а то, что попытка встроить институциональные предпосылки в экономическую теорию ведет к использованию множества различных подходов, не имеет значения. Авторы подчеркивают решающую роль изучения самих «транзакций» и транзакционных издержек, а также другое важное изменение в способе мышления, связанное с тем, как воспринимаются структуры прав собственности. Данные суждения подкрепляются ссылками на Армена Алчиана, Рональда Коуза, Дагласа Норта и Оливера Уильямсона.

⁸ См.: <http://www.uni-saarland.de/fak1/fr12/albert/mitarbeiter/richter/institut/waller.htm>

Ланглуа [Langlois, 1986] утверждает, что НИЭТ включает несколько ясно различимых направлений. Главными из них являются в первую очередь эволюционная теория и неоавстрийская школа,⁹ сложившаяся под влиянием Ф. А. Хайека. Исторически Карл Менгер, возможно, имел бы

...больше оснований претендовать на статус святого покровителя новой институциональной экономической теории, чем любой из первых институционалистов (как, например, Джон Р. Коммонс, которого цитирует Уильямсон) [Langlois, 1986, p. 5].

Наконец, упомянуты Оливер Уильямсон, Рональд Коуз и Герберт Саймон (именно в таком порядке). Приоритет, который Ланглуа отдает австрийской школе и эволюционному направлению, подчеркивается составом участников конференции, среди которых были Брайен Дж. Лоэсби, Эндрю Шоттер, Ричард Р. Нельсон, Джеральд П. О'Дрисколл-мл.

Нейбли и Ньюджент [Nabli, Nugent, 1989a] редактировали коллективный сборник, посвященный применению положений НИЭТ к теории экономического развития. И хотя консенсус по поводу того, что включать в НИЭТ, еще не был достигнут, Нейбли и Ньюджент считают, что два широких и общих подхода сразу бросаются в глаза: «...а именно: трансакционные и информационные издержки, с одной стороны, и теория коллективного действия — с другой» [Nabli, Nugent, 1989b, p. 10].

Подход с позиций трансакционных издержек нацелен в первую очередь на анализ частных благ. Он включает экономическую теорию прав собственности, экономическую теорию трансакционных

издержек в узком смысле и более математически ориентированную теорию агентских отношений (или теорию контрактов).¹⁰

Теория коллективного действия нацелена на анализ общественных благ, причем как физических, к примеру, окружающей среды или шоссе дорог, так и тех, которые носят абстрактный характер, в частности «...более высокой ставки заработной платы, более высокой цены... регулирования, более низкой налоговой ставки или политико-административного регулирования в той или иной сфере» [Nabli, Nugent, 1989b, p. 14].

Два указанных общих подхода комплементарны. Если трансакционные издержки не являются запретительно-высокими, то внешние эффекты индивидуальных действий могут быть компенсированы контрактными соглашениями между отдельными сторонами. В противном случае мы приходим к коллективному действию [Nabli, Nugent, 1989b, p. 18]. Авторами этого сборника, помимо самих редакторов, являются Самар К. Датта, Тимур Куран, Брюс Г. Херрик.

Харрис, Хантер и Льюис [Harriss, Hunter, Lewis, 1995a] выступали в качестве редакторов другой публикации по итогам конференции, посвященной теории экономического развития.¹¹ Доказательством важности НИЭТ стало присуждение Нобелевской премии по экономике Рональду Коузу в 1991 г. и Дагласу Норту в 1993 г. В рамках НИЭТ оказалось возможным объяснить существование нерыночных форм организации как вполне рационального следствия провалов рынка. Таким образом, данный подход бросил вызов утверждению о доминирующей

⁹ Фактически значительная часть вводного эссе посвящена защите взглядов австрийской школы на конкуренцию как процесс [Langlois, 1986, p. 7–15].

¹⁰ Что касается теории агентских отношений (теории контрактов), то авторы рассуждают о таких вопросах, как «неполнота и в особенности асимметрия информации» [Nabli, Nugent, 1989b, p. 12].

¹¹ Конференция состоялась в Лондонской школе экономики и политологии в сентябре 1993 г.

роли рынка, которая приписывалась ему ортодоксальной экономической теорией на протяжении примерно 10 предшествующих лет [Harriss, Hunter, Lewis, 1995b, p. 1]. Норт, принимавший участие в конференции, подчеркнул, что НИЭТ сохраняет неоклассические предпосылки об индивидуальном выборе при наличии определенных ограничений, которые, однако, включают и институты. Трансакционные издержки также играют важную роль наряду с идеями и идеологиями. Последние выступают «...критическим фактором в функционировании экономики, являясь источником различий в результатах ее функционирования и объясняя „неэффективность“ рынков» [North, 1995a, p. 19]. Основными докладчиками на этой конференции были Даглас С. Норт, Роберт Г. Бейтс и Джон Той.

Дробак и Най [Drobak, Nye, 1997a] редактировали сборник трудов, представленных в ознаменование награждения Дагласа Норта в 1993 г. Нобелевской премией по экономике. По их мнению, «...по сравнению с кругом ученых, которых объединяют общие взгляды, лежащие в основе существующих экономических теорий и доктрин» НИЭТ как школе в значительно меньшей степени присущи особые отличительные черты [Drobak, Nye, 1997b, p. xv]. Новые институциональные экономисты-историки, и в частности Норт, вначале оценивали неоклассическую теорию цены как мощный инструмент для предсказания многих экономических результатов в реальном мире. Но неоклассическое допущение о совершенной индивидуальной рациональности должно быть ослаблено или даже заменено другими предпосылками о человеческом поведении.¹² Центральные научные области, принадлежащие

¹² Норт предлагает использовать достижения других наук, в частности когнитивистики или теории обучения [North, 1995b].

НИЭТ, — это экономическая теория трансакционных издержек, экономическая теория прав собственности, политическая экономия (political economy) и теория общественного выбора, количественная экономическая история, теория познания, идеология, а также роль зависимости от траектории предшествующего развития. Докладчиками на этой конференции в числе других были Даглас С. Норт, Роберт У. Фогель, Авнер Грайф, Гэри Лайбекп, Барри Р. Вейнгафт, Пол А. Дэвид.

Клэг [Clague, 1997a] редактировал сборник трудов, также посвященный применению НИЭТ к проблемам социально-экономического развития. Он описывает ее как расширенную неоклассическую теорию. В НИЭТ ослаблены некоторые из сильных предпосылок традиционной экономической теории, касающиеся мотивации лиц, принимающих решения, а также доступной им информации, что увеличивает возможности экономической теории за счет включения в анализ политических явлений и эволюции институтов. НИЭТ привлекла внимание к жизненно важному значению административного потенциала правительства для формирования институциональной среды бизнеса. Она могла бы помочь в объяснении того, почему бюрократия функционирует хорошо или плохо и как можно преобразовать неэффективные и коррумпированные бюрократии. Среди участников конференции, которые внесли свой вклад в развитие вопроса, были Мансур Олсон, Филип Кифер, Элинор Остром и Маргарет Леви.

Подведем итоги. Все редакторы в нашей выборке, кажется, согласны с тем, что характеристикой или определением НИЭТ должен служить не конкретный набор научных областей исследования, а интеллектуальные основы ее базовой методологии. Явное большинство из них отдает предпочтение тем научным работам, которые основаны на подходе

к институциональной экономической теории с позиций «видимой руки». И лишь незначительное меньшинство (1 издание из 6 в нашей выборке) высказывается в пользу альтернативного подхода с позиций «невидимой руки» [Langlois, 1986].

Редакторы, предпочитающие подход с позиций «видимой руки», соглашаются с тем, что основополагающие принципы НИЭТ идентичны принципам неоклассики: методологический индивидуализм и индивидуальный рациональный выбор при заданном наборе ограничений. Однако вследствие трансакционных или информационных издержек информация недостаточно полна, и, таким образом, институты имеют значение.

Подобно старым институционалистам¹³, новые институционалисты начинают с критики существующей экономической теории за ее «слишком высокий уровень абстракции» [Williamson, 1975, p. 1]. Но если первые однозначно отказались от абстрактных предпосылок классической или неоклассической экономической теории, то вторые склонны принимать их, хотя и в ослабленной форме, делая допущения о наличии трансакционных издержек, неопределенности по Найту, ограниченной рациональности и т. п. и полагая, что в теории эти оговорки до некоторой степени могут заменить институциональные устройства. В любом случае, все редакторы в нашей выборке дистанцируются от старой институциональной экономической теории, причем большинство из них — *expressis verbis* (совершенно четко, со всей определенностью — *лат.*).¹⁴ Есть явные принципиальные различия между старой и новой институциональной экономической

теорией, тем не менее, как справедливо указывает Резерфорд, некоторые аспекты нового институционализма «...восходят к старому, включая тенденцию выходить за границы традиционной неоклассической теории» [Rutherford, 2001, p. 187].

Наконец, редакторы всех шести рассматриваемых коллективных сборников, кажется, согласны с тем, что совокупность областей НИЭТ зависит главным образом от конкретного объекта исследования. В этом отношении наша выборка носит несколько односторонний характер. Большинство из этих шести томов посвящено макроэкономической проблематике. В трех из них анализируются вопросы экономической теории развития, в одном — подход к истории с позиций новой институциональной экономической теории, еще один посвящен проблемам эволюционной экономики. И лишь единственное издание включает также рассмотрение проблем микроэкономики. Конечно, представленная в обобщаемых сборниках совокупность областей применения аппарата НИЭТ не является репрезентативной, поскольку значительная часть исследований, выполненных в духе новой институциональной экономической теории, посвящена проблемам микроэкономики, таким как фирмы,¹⁵ отраслевая организация,¹⁶ антимонопольное законодательство,¹⁷ контрактные отношения,¹⁸ рыночная организация¹⁹ и т. п. И все же наша выборка в определенной степени дает возможность понять, как широкий термин «новая институциональная экономическая теория» стал стандартом (или знаменем), вокруг которого сплотилась группа разных экономистов.

¹³ Они представлены немецкой исторической школой и американским институционализмом.

¹⁴ См.: [Furubotn, Richter, 1984b, p. 1; Langlois, 1986, p. 2–5; Nabli, Nugent, 1989b, p. 10; Drobak, Nye, 1997b, p. xv].

¹⁵ См.: [JITE, 1986].

¹⁶ См.: [JITE, 1985].

¹⁷ См.: [JITE, 1990].

¹⁸ См.: [JITE, 1987].

¹⁹ См.: [JITE, 1994].

Основание Международного общества по новой институциональной экономической теории

С основанием Международного общества по новой институциональной экономической теории (*International Society for New Institutional Economics — ISNIE*) и проведением 19–21 сентября 1997 г. в Университете Вашингтона (г. Сент-Луис, США) первой научной конференции²⁰ НИЭТ достигла «совершеннолетия». Поместив информацию в Интернете, организаторы пригласили к участию в конференции всех ученых, которые «...изучают трансакционные издержки, процессы контрактации, политические правила игры, право, нормы, культуру и проводят эти исследования, используя стандартные научные методы» [Furubotn, Richter, 1997].

На инаугурационной конференции Норт, Уильямсон и Коуз — выступая именно в данной последовательности — описали НИЭТ в основном так, как это было сделано выше. Несмотря на то что непосредственной целью НИЭТ является замена абстрактных, статических моделей неоклассической теории, Коуз высказал предостережение о ненужности и нежелательности «лобовой атаки» на неоклассицизм в экономической теории. Чтобы добиться необходимого уровня развития теории, достаточно сфокусировать внимание на анализе эмпирического материала. Несколько позднее Коуз сформулировал мысль о том, что у Международного общества по новой институциональной экономической теории есть миссия — «...заменить существующие методы анализа чем-то лучшим — новой институциональной экономической теорией... Влияние новой институциональной экономической теории будет проявляться в различных разделах науки [экономической науки]. Будут

иметь место „партизанские действия“, которые в результате приведут к тому, что новая институциональная экономическая теория начнет доминировать сначала в одном, а затем в других разделах экономической науки, что в действительности уже и происходит». Вместе с тем он добавляет: «Мы не станем заменять теорию цен (спрос, предложение и т. п.), но сделаем этот анализ значительно более плодотворным» [Coase, 1999, p. 1 ff.].

Избранные доклады, представленные на второй ежегодной конференции Международного общества по новой институциональной экономической теории в Париже в сентябре 1998 г., были изданы Клодом Менаром [Ménard, 2000], и среди них мы вновь встречаем труды старой гвардии: Рональда Коуза, Дагласа Норта, Оливера Уильямсона, Гарольда Демсеца, Йорама Барзеля. Но наряду с этими работами мы видим и доклад Масахико Аоки, который отстаивает концепцию институтов с позиции игрового равновесия. Коуз и Норт еще раз подчеркивают, что представители НИЭТ не ставят своей целью заменить неоклассическую теорию, а пытаются использовать новые аналитические инструменты для «изучения работы экономической системы» ([Coase, 2000, p. 4] или [Coase, 1999, p. 5], как уже цитировалось выше). Однако, на наш взгляд, это мнение противоречит концепции Норта, изучающего историю с позиций когнитивистики/институционализма, или основанным на прецедентах методам Уильямсона, которые он использует, чтобы поднять вопрос об ограниченной рациональности. Почему бы не признать, что изменение парадигмы уже идет полным ходом?

Резюме и комментарии

Уильямсон [Williamson, 1975, p. 1] ввел термин НИЭТ как родовой для группы уже существующих, хотя и различающихся между собой современных эконо-

²⁰ См. краткий обзор в [Furubotn, Richter, 1997].

номических направлений изучения институтов. Впоследствии данный термин употреблялся в различных случаях, но потребовалось восемь лет, пока его впервые начали использовать организаторы конференций. Приблизительно через 10–15 лет он стал стандартом, вокруг которого объединились экономисты, проявлявшие интерес к различным аспектам экономической теории институтов. Оказалось, что термин НИЭТ в основном используется в качестве названия того направления, которое мы обозначили как «институциональная экономическая теория с позиций „видимой руки“».

Вышеприведенная таблица демонстрирует 9 научных областей современной институциональной экономической теории, которые в анализируемых нами источниках были названы в качестве составных частей НИЭТ. Эти теории разрабатывались различными учеными в 1960-х — начале 1970-х гг. Основными областями НИЭТ стали:

- экономическая теория трансакционных издержек (Коуз, Уильямсон);
- экономическая теория прав собственности (Коуз, Алчиан);
- экономическая теория контрактов (формальная: Спенс, Миррлиз, Стиглиц; неформальная: Уильямсон, Макнейл);
- новый институциональный подход к истории (Норт).

Есть основания следовать точке зрения Нейбли и Ньюджента [Nabli, Nugent, 1989b] и считать теорию коллективного действия Олсона [Olson, 1965] составной частью НИЭТ. В то время как в экономической теории прав собственности и в формальной части теории контрактов все еще принимается предпосылка о совершенной рациональности, в экономической теории трансакционных издержек и новой институциональной экономической истории Норта она отвергается.

Уильямсон полагает, что люди лишь ограниченно рациональны [Williamson, 1975, p. 4]. Норт пишет, что теория ин-

ститутов должна начинаться с «модификации предпосылки об инструментальной рациональности» [North, 1995a, p. 18 ff.], Коуз рассматривает допущение о том, «что человек — это рациональный субъект, максимизирующий полезность», как «ненужное и вводящее в заблуждение» [Coase, 1984, p. 231]. Таким образом, предпосылка о совершенной рациональности ведущими неинституционалистами не принимается.

Две ветви НИЭТ, появившиеся после работ Коуза [Coase, 1937; 1960], — это *экономическая теория трансакционных издержек* (ЭТТИ) Оливера Уильямсона [Williamson, 1985b] и *новая институциональная экономическая история* (НИЭИ) в трактовке Дагласа Норта [North, 1986]. Вслед за Коузом Уильямсон и Норт стали двумя ведущими представителями НИЭТ. Энсмингер следующим образом охарактеризовал различие между «уильямсоновским» и «нортовским» подходами [Ensminger, 1992, p. 21 ff.]:

В то время как Уильямсон «...считает, что институты проектируются преднамеренно с целью уменьшения трансакционных издержек, и поэтому на конкурентных рынках те из них, которые не в состоянии выполнять эту функцию, не выживают» [Williamson, 1981], Норт, наоборот, неистово протестует против представления о том, «...что институты созданы только для уменьшения трансакционных издержек и увеличения экономической эффективности» [North, 1981, ch. 3; 1990, p. 8, 52]. Причина существования неэффективных институтов — неэффективность политических рынков, «...демократия в государственном устройстве не должна приравниваться к конкурентными рынкам в экономике» [North, 1990, p. 51].²¹

²¹ Как справедливо замечает Норт [North, 1986, p. 236], «Парето-эффективность... просто не имеет большого смысла» (в экономической

Однако оба заявленных подхода с трудом согласуются с их постоянным обращением к неоклассической теории и, кажется, не склонны осуществить прорыв к фундаментально новой парадигме.²² И поскольку прорыва так и не произошло, нужно быть готовым по крайней мере применять различные, относящиеся к конкретным проблемам, аналитические методы для различных объектов экономического исследования и подходить к определению экономической науки так же, как это делается в прикладных науках, — с точки зрения ее объектов, а не метода. Экономическую теорию более уместно сравнивать с техникой или медициной, а не с физикой или биологией [Varian 1993, p. 2 ff.].

Подход Уильямсона к НИЭТ применяется главным образом в микроэкономических областях, таких как теория фирмы, теория отраслевой организации, антимонопольная политика, экономическая теория организации. Подход Норта используется для изучения макроэкономической проблематики, в частности истории народного хозяйства, экономической теории развития или экономической теории переходных экономик.

СУЩНОСТЬ НИЭТ

Я ограничусь рассмотрением того, какой смысл вкладывают в НИЭТ Уильямсон и Норт, и в данном разделе буду придерживаться следующего плана. Во-первых, дам краткое описание аналитического ядра ЭТТИ Уильямсона и НИЭИ Норта. Во-вторых, сравню эти два подхода между собой. В-третьих, коротко рассмотрю некоторые критические замечания, высказывавшиеся в их адрес.

теории институтов) (подробнее см.: [Furubotn, Richter, 2005, p. 108–110]).

²² Зельтен [Selten, 2001] и Джигерензер [Gigerenzer, 2001] в этом смысле проявляют наибольшую смелость и призывают использовать эвристические, а не оптимизационные методы.

Аналитическое ядро экономической теории транзакционных издержек Уильямсона

Оливер Уильямсон *inter alia* (между прочим — *лат.*) отмечает, что нестандартные контракты могут выступать, хотя совсем не обязательно, результатом монополистической практики. Причиной является то, что транзакционно-специфические инвестиции могут играть существенную роль после заключения контракта. Данный тезис Уильямсон разъясняет с помощью концепции *фундаментальной трансформации*. После заключения контракта стороны оказываются запертыми в ситуацию двусторонней монополии, тогда как до этого они были свободны в своем выборе партнера по сделке. Причина такой трансформации — любого рода транзакционно-специфические инвестиции (даже в виде времени, которое инвестируется в поиск, проверку и переговоры). В дополнение Уильямсон принимает во внимание факт незнания того, что принесет будущее. В условиях неопределенности по Найту нереально составить полный контракт, в котором будут учтены все возможные будущие непредвиденные обстоятельства — даже если транзакционные издержки равны нулю.²³ Поэтому контракты неизбежно содержат лазейки, и эффект «запирания» сторон контракта может инициировать их оппортунистическое поведение вследствие информационных издержек (специальный вид транзакционных издержек), а верификация конкретного случая третьей стороной (например, судом) может оказаться неосуществимой. Таким образом, в целях эффективной защиты сторон контракта от оппортунизма партнеров по сделке судебное разрешение конфликта может дополняться или даже заменяться частным по-

²³ Из-за недостатка знания о том, что принесет будущее, т. е. из-за всех стохастических переменных.

рядком улаживания споров. Существуют разные способы организации структуры управления контрактными отношениями. Их эффективность зависит от конкретных обстоятельств, *inter alia* от размера специфических инвестиций и частоты сделок между сторонами. Экономическая теория трансакционных издержек была подтверждена многочисленными эмпирическими исследованиями (краткий обзор см.: [Shelanski, Klein, 1995]).

ЭТТИ Уильямсона — теория контрактов в условиях неопределенности и асимметричной информации, где юридическое обеспечение исполнения и самовыполнение дополняют друг друга. Как судебный, так и частный порядки улаживания споров характеризуют структуру управления (или «организацию») нестандартных договорных отношений. Внимательно действующие субъекты прежде, чем прописать условия контракта, приходят к соглашению о структуре управления, которую они считают подходящей. Рынок и иерархия — это лишь два из всех мыслимых идеальных типов возможных структур управления. Важно понимать, что выбор эффективной (efficient) (а лучше — «результативной» — efficacious) структуры управления не является результатом оптимизации некоторой целевой функции при наличии ряда ограничений. Скорее его можно трактовать как форму ограниченно рационального или «подходящего» выбора из ряда структур управления в смысле гипотезы Зельтена о *типовой структуре ограниченно-рациональных стратегий* (см.: [Furubotn, Richter, 2005, p. 180]).²⁴ То, какую структуру управления выберут для себя стороны контракта, зависит от конкретной ситуации. В данном случае проблема для них состоит в том,

чтобы прийти к взаимному соглашению как о «правильном» диагнозе (ситуации), так и о «наилучшем» лечении (структуре управления). Таблица Уильямсона об «эффективном управлении» [Williamson, 1985b, p. 79] может рассматриваться лишь в качестве ориентира того, в каком направлении нужно думать, а не как однозначный ответ на проблему принятия решения сторонами контракта. Идея заключается в том, чтобы в меньшей степени думать как физик, а в большей — как врач.

Аналитическое ядро новой институциональной экономической истории Норта

Даглас Норт стремится объяснить с экономической точки зрения структуру и функционирование экономик во времени [North, 1981, p. 3]. Он начинает с простого замечания о том, что кооперация между людьми требует наличия правил поведения, т. е. институциональных ограничений, которые в его последующем анализе определяют множество альтернатив для индивидов.²⁵ В мире беззатратных трансакций и совершенного предвидения природа институциональных ограничений (как, например, полной собственности или аренды земли) не имеет значения. Она не оказывает влияния на экономические результаты деятельности государства. В мире с положительными трансакционными издержками и несовершенным предвидением это не так. Здесь природа институциональной структуры играет главную роль в результатах функционирования экономики.²⁶ Она может уменьшить неопределенность взаимодействия между людьми и, таким образом,

²⁴ В данном контексте «типовой» означает, что происходит выявление и изучение типичных случаев, как, например, это делается в прецедентном праве или медицине.

²⁵ [North, 1990, p. 67]. Ясно, что права владения определенными реальными ресурсами и знаниями описываются институциональным окружением (или структурой управления).

²⁶ [North, 1990, p. 69].

издержки кооперации.²⁷ Постоянные изменения относительных цен вследствие непрерывных экзогенных изменений (таких как изменения совокупного населения, знаний или идеологии²⁸) приводят действующих субъектов к пониманию того, что они могли бы стать более обеспеченными при альтернативных институциональных устройствах, в результате чего происходят институциональные изменения. К тому же институциональные изменения зависят от траектории предшествующего развития и формируются под действием обратной связи между экономическими и политическими рынками. Из-за высоких (политических и экономических) транзакционных издержек неэффективные институты могут сохраняться очень долгое время.²⁹

Институциональные ограничения включают неформальные и формальные правила поведения.³⁰ Формальные правила состоят из политических (например, конституция³¹) и экономических правил (например, права собственности,³² контрактные права), а также контрактных соглашений между действующими субъектами (например, контракт купли-продажи).

²⁷ «Институты структурируют экономический обмен... определяют издержки осуществления транзакций, а также издержки трансформации» [North, 1990, p. 34]. «В условиях неполноты информации и недостаточной способности производить расчеты [ограниченной рациональности] эти ограничения уменьшают издержки взаимодействия между людьми по сравнению с миром, где институты отсутствуют» [North, 1990, p. 36]. Однако в США доля транзакционных издержек в ВВП с 1870 по 1970 г. выросла с приблизительно 25 до 50% [Wallis, North, 1988, p. 120].

²⁸ [North, 1981, p. 207 ff.; 1990, p. 111].

²⁹ [North, 1990, p. 92 ff.].

³⁰ [North, 1990, p. 36].

³¹ «Политические институты — это ex ante соглашения политиков о кооперации между собой» [North, 1990, p. 50].

³² Установление «хорошо специфицированных и хорошо защищенных прав собственности»

Обычно политические правила лежат в основе формирования экономических, «хотя причинная связь направлена в обе стороны».³³ Механизмы обеспечения выполнения правил имеют значение. Самовыполнение было бы идеальным вариантом, но чаще всего оно нереально.³⁴ Вообще, юридические способы защиты более эффективны.³⁵ Однако принудительная сила, данная государству, может использоваться теми, кто обладает властью, для достижения личных преимуществ.³⁶ В своей элементарной модели Норт [North, 1981, p. 28] интерпретирует государство как правителя, максимизирующего собственную прибыль при наличии в основном двух ограничений: степени политического соперничества с конкурентами и другими государствами, а также транзакционных издержек. По обоим причинам структура прав собственности, максимизирующая общественный продукт, может не обеспечивать максимизацию (долгосрочной) монопольной ренты правителя. Взгляд Норта весьма пессимистичен. Он утверждает, что для упрочения своей власти правитель согласится со структурой прав собственности, благоприятной для групп граждан, тесно связанных с его политическими конкурентами, вне зависи-

лежало в основе беспрецедентного роста западных экономик [North, 1990].

³³ [North, 1990, p. 48].

³⁴ Что касается контрактов, то «...ни самостоятельное обеспечение выполнения соглашения сторонами, ни установление доверия между ними не могут быть полностью успешными» [North, 1990, p. 35].

³⁵ «...Можно добиться огромной экономии от масштаба в случае контроля и обеспечения исполнения соглашений государством, которое действует как третья сторона и использует принуждение для защиты этих соглашений» [North, 1990, p. 58].

³⁶ «...Если государство имеет принудительную силу, то те, кто управляет государством, будут использовать эту силу в собственных интересах за счет остальной части общества» [North, 1990, p. 59].

мости от эффективности данной структуры. И вследствие того что измерение налогооблагаемой базы и сбор налогов сопряжены с издержками, менее эффективная структура прав собственности может оказаться более предпочтительной для правителя, максимизирующего свой доход.

Концепция НИЭИ Норта нацелена на создание общей теории, описывающей взаимодействие между государственным устройством и экономикой. Это в некоторой степени применение экономической теории политики к экономической истории. Однако в отличие от теории общественного выбора и теории коллективного действия³⁷, Норт принимает предпосылку о несовершенной индивидуальной рациональности и подчеркивает роль идеологии. Он отвергает «гипотезы рационального выбора и эффективного рынка».³⁸ Скорее он полагает, что из-за несовершенной индивидуальной рациональности

ментальные модели, институты и идеологии в совокупности вносят свой вклад в процесс, посредством которого люди интерпретируют и упорядочивают окружающую среду. Ментальные модели до некоторой степени уникальны для каждого индивида. Идеологии и институты созданы, чтобы обеспечить более единообразное восприятие и упорядочение окружающего мира [Denzau, North, 1994, p. 21].

Сравнение подходов к НИЭТ Уильямсона и Норта

И Уильямсон, и Норт рассматривают один и тот же объект — «институт». Уильямсон [Williamson, 1985b] предпочи-

тает говорить о «структуре управления», Норт [North, 1981; 1990] использует такие термины, как «правила поведения», «институциональные ограничения» или «структура». Кроме того, Норт [North, 1990] проводит различия между «*институциональными соглашениями*» и «*институциональной средой*», при этом первые являются подмножеством институциональной среды, которая представляет собой множество фундаментальных политических, социальных и юридических базовых норм, регулирующих экономическую и политическую деятельность [Davis, North, 1971, p. 133]. Норт также подчеркивает роль идеологии.

Таким образом, мы можем сказать, значительно упрощая:

- ЭТТИ анализирует «*институты управления*» при заданной институциональной среде. Объектом исследования здесь выступают достигнутые соглашения в основном между двумя действующими субъектами.³⁹ Такие институты по существу имеют дело с передачей или администрированием частных благ и, в свою очередь, могут рассматриваться как частные блага. Они являются результатом *индивидуального действия*.
- НИЭИ анализирует «*институциональную среду*», включая идеологию. Объект ее исследования — неформальные и формальные институциональные ограничения, которые направляют поведение более чем двух действующих субъектов. Институт в этом смысле имеет дело с обеспечением или администрированием общественных благ. Фактически он сам является общественным благом,⁴⁰ результатом явных или неявных коллективных действий.

³⁷ Как показал Мюллер, в «теории общественного выбора неоклассический стиль экономических рассуждений применяется к анализу политики» [Mueller, 1979]. Об эмпирических исследованиях взаимозависимости политики и экономики см.: [Schneider, Pommerehne, Frey, 1981].

³⁸ [North, 1990, p. 111].

³⁹ Уильямсон соглашается, что «экономическая теория трансакционных издержек срабатывает главным образом в случае двухэлементного устройства» [Williamson, 1993a, p. 56].

⁴⁰ [Binger, Hoffman, 1989, p. 68 ff.].

ЭТТИ абстрагируется от взаимодействия между принятием экономических и политических решений. Она рассматривает нормы, обычаи, нравы, традиции и т. п. как изначально заданные, аргументируя последнее тем, что «институты на этом уровне изменяются очень медленно — в течение столетий или тысячелетий...» [Williamson, 2000, p. 596]. Такой подход возможен, поскольку в ЭТТИ анализируются трансакции, касающиеся частных благ, а внимание концентрируется на ограниченной задаче: показать, что нестандартные контракты совсем необязательно являются результатом монополистических махинаций.

НИЭИ, напротив, не абстрагируется от взаимодействия между экономическими и политическими решениями и рассматривает «возможность принятия экономических решений через политический процесс» [North, 1971, p. 118]. Ее главная цель — разработка «содержательной теории институциональных изменений» [Davis, North, 1971, p. 131]. Во внимание принимаются идеологии, трактуемые как «всеохватывающие системы когнитивных и моральных представлений», которые играют значимую роль в социальной жизни [North, 1978, p. 972 ff.].

Критика подходов Уильямсона и Норта

Мы сконцентрируем наше обсуждение на некоторых из наиболее известных направлений критики экономической теории трансакционных издержек Уильямсона и нового институционального подхода к экономической истории Норта. Ограниченные рамки статьи не позволяют проанализировать дискуссии между «старым» институционализмом и «новой» институциональной экономической теорией.⁴¹

⁴¹ В защиту старого институционализма не так давно выступил, например, Ходжсон [Hodgson,

Необходимо начать с замечания о том, что в обоих случаях «позитивная» критика, т. е. критика, которая вместо подвергшейся нападкам теории пытается предложить другую — лучшую, исходит лишь от экономистов-математиков. Остальные ограничиваются критикой предпосылок.

Критика ЭТТИ

С широко известной критикой выступили разные группы ученых: экономисты-математики, социологи и юристы.

1. Экономисты-математики, в частности Гроссман и Харт [Grossman, Hart, 1986], критиковали ЭТТИ за отсутствие строгости в анализе. Вместо этого они попытались разработать формальную версию ЭТТИ. Но их теория неполных контрактов, как она впоследствии стала называться, в действительности не касается центральной проблемы ЭТТИ — *ex post* оппортунизма. Гроссман и Харт рационально объясняют только то, *кто* должен получить (частное) право собственности, а в их случае — *кто* должен стать собственником остаточных (конечных) прав на принятие решений в контрактных отношениях между фирмой-поставщиком и фирмой-покупателем [Hart, 1995, p. 5 ff.]. Решение, которое они предлагают, исходя из своей теории неполных контрактов, — это снова юридически полный контракт. Таким образом, в модели Гроссмана-Харта собственники остаточных прав на принятие решений не сталкиваются в суде ни с какими трудностями при доказательстве своих прав собственности и поэтому полагаются на юридическое принуждение. Данная модель оставляет в стороне проблему, которую рассматривает Уильямсон: что происходит после заключения контракта. Несмотря на это, исследования Гроссмана-Харта открыли новую и привлекательную область теории

1998]. Отличное сравнение двух точек зрения представлено в [Rutherford, 2001, p. 185–190].

контрактов — теорию неполных контрактов. Лидерами этого подхода в Германии являются представители Боннской школы Г. Нёльдеке и К. Шмидт [Nöldecke, Schmidt, 1995] (см.: [Schweizer, 1999]). Ближе по духу к ЭТТИ, возможно, статья [Bajari, Tadelis, 2001].

2. Критика социолога Грановеттера [Granovetter, 1995a, p. 63 ff.] направлена на предпосылки Уильямсона в анализе «рынков и иерархий» [Williamson, 1975]. Грановеттер утверждает, что призыв Уильямсона прибегнуть к властным отношениям с целью «приручения оппортунизма» представляет собой переоткрытие Гоббсовского анализа, чрезмерное подчеркивание иерархической власти [Granovetter, 1995a, p. 65]. Уильямсон игнорировал «встроенность» индивида в сети личных отношений. В формировании доверия большое значение имеют социальные структуры или сети. Они создают препятствия злонамеренному поведению [Granovetter, 1995b]. Уильямсон «в значительной степени переоценивает эффективность иерархической власти... внутри рассматриваемых организаций» [Granovetter, 1995a, p. 68]. Однако критика ЭТТИ со стороны Грановеттера бьет мимо цели, поскольку Уильямсон сознательно рассматривает только биполярные отношения, которые не подчинены социальному контролю — случай фундаментальной трансформации. Утверждение Уильямсона о том, что оппортунизм — весьма распространенное явление, широко подтверждается фактами. Примерами не в последнюю очередь могут служить проблемы корпоративного управления, которые стали привлекать растущее внимание в США и Германии (например, дела Enron, WorldCom и Berliner Bank).

3. Большой интерес вызвала статья известного представителя экономического анализа права Чикагской школы Р. Познера «Новая институциональная эконо-

мическая теория — экономика и право: столкновение позиций» [Posner, 1993]. Он предлагает очень оригинальную интерпретацию предпосылок ЭТТИ, резко отвергая критику доктрины Чикагской школы со стороны Уильямсона [Williamson, 1985a, p. 189 ff.]. Познер подчеркивает, что в Чикаго работа в области права и экономики также была связана «...с проблемами неопределенности, двусторонней монополии и оппортунизма, а также с тем, как юридические и экономические институты пытаются их решить» [Posner, 1993, p. 81]. Все, что означает «оппортунизм» Уильямсона, — это получение выгоды в условиях временной монополии или посредством информационных преимуществ при асимметричной информации [Posner, 1993, p. 80]. Однако такая оценка не совсем корректна. Уильямсон утверждает, что ситуация двусторонней монополии существует не *ab ovo* (с самого начала — *лат.*), а является неизбежным побочным эффектом заключения контракта обмена между двумя индивидами, который требует специфических инвестиций. Наконец, Уильямсон не только критикует предпосылки Чикагской школы микроэкономики (т. е. неоклассики), но и предлагает заменить эту теорию другой, лучше оснащенной, которая позволила объяснить нестандартные контракты обмена, подобные вертикальной интеграции, и существенно повлияла на антимонопольную политику. Конечно, ЭТТИ Уильямсона не основана на формальной модели. Однако данное обстоятельство — та цена, которую нужно платить (пока платить), покидая мир совершенной индивидуальной рациональности и совершенного предвидения, как это сделали все представители НИЭТ, трактуемой в том смысле, который в нее вкладывается в данной статье.⁴²

⁴² Ответ Уильямсона Познеру представлен в [Williamson, 1993b].

Критика НИЭИ

Каковы бы ни были причины, критике идей Дагласа Норта по сравнению с теоретическими построениями Оливера Уильямсона уделялось меньше внимания со стороны известных ученых. Стоит отметить два направления критики.

1. М. Аоки [Aoki, 2001, p. 5], экономист-математик, критикует теорию экономической истории Норта за то, что она базируется на подходе к институтам с позиций «видимой руки». Норт трактует институты как «правила игры». Следуя Норту,

институты — это правила игры в обществе или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые структурируют взаимодействие между людьми... Говоря профессиональным языком экономистов, институты определяют и ограничивают набор альтернатив, имеющихся у каждого человека [North, 1990, p. 3 ff.].

В таком случае создание правил легко поддавалось бы сознательному проектированию законодателями, политическими предпринимателями или экономистами, моделирующими механизмы стимулирования (*mechanism design economists*) [Aoki, 2001, p. 9]. Аоки утверждает, что подход к институтам с позиций «невидимой руки» лучше подошел бы для объяснения «...разнообразия институциональных устройств, а также природы процесса институциональных изменений». Как специалист по теории игр, он отдает предпочтение теоретико-игровому подходу к равновесию, который характеризуется концепцией равновесия по Нэшу. Соответственно, Аоки определяет институт как

самоподдерживающуюся систему общих представлений относительно выделенного (*salient*) направления, в котором эта игра многократно повторяется ([Aoki, 2001, p. 10]; курсив в оригинале. — Р. Р.).

Однако равновесие по Нэшу — статическая концепция. Она объясняет логику самовыполнения общественных порядков (постоянство институтов), но не их изменение.⁴³ Для Норта [North, 1990, p. 54] способность общества разрабатывать «эффективные, низкочастотные механизмы обеспечения исполнения контрактов — наиболее важный источник» экономического развития. Институциональные изменения осуществляются посредством «видимой руки» «предпринимателей в политических и экономических организациях», понимающих, что они могли бы добиться большего успеха, изменив институциональные рамки. Здесь мы прервемся, чтобы в следующем разделе вернуться к рассмотрению концепции игрового равновесия.

2. Другая ветвь критики связана со старой дискуссией, ведущейся экономистами и социологами относительно подходов с точки зрения отдельно взятого индивида и общества в целом (или холизма). Шумпетер попытался ослабить накал дебатов, предлагая четко разграничить «политический» и «методологический» индивидуализм [Schumpeter, 1908, p. 90]. Последний, по его мнению, должен использоваться в узких рамках для описания определенных экономических процессов [Schumpeter, 1908, p. 94], но не в теории организации или социологии [Schumpeter, 1908, p. 95]. В настоящее время термин используется в значительно более широких целях, нежели имел в виду Шумпетер. В любом случае он стал аксиомой НИЭИ и представлен в новой институциональной экономической истории Норта. Концепция Норта серьезно критикуется экономистами, в частности Файном и Милонакисом,⁴⁴ за то,

⁴³ Грайф и Лейтин [Greif, Laitin, 2004] нашли выход, сформулировав гипотезу самонарушающегося (*self-undermining*) равновесия по Нэшу в многократно повторяющихся играх.

⁴⁴ См.: [Fine, Milonakis, 2003; Milonakis, Fine, 2005].

что в ней методологический индивидуализм стал «самым священным аналитическим принципом» [Fine, Milonakis, 2003, p. 561]. Критики справедливо спрашивают, как концепция методологического индивидуализма в качестве объясняющего фактора в теории институциональных изменений Норта состыкуется с его предпосылкой об идеологии (социальном феномене).⁴⁵ В нортоской концепции институциональные изменения и стабильность определены экзогенно, поскольку он не разработал теорию идеологии (см.: [Rutherford, 1994, p. 46]). Данный аргумент относится к проблеме бесконечного регресса*, которая присутствует в обоих подходах к институтам: с позиций как «видимой», так и «невидимой руки». Это — неизбежная и всегда спорная проблема в любой теории.

ПЕРСПЕКТИВЫ НИЭТ

Можно строить очень много предположений относительно будущего НИЭТ. Я воздержусь здесь от такого искушения⁴⁶ и вместо этого кратко прокомментирую три области научной деятельности, которые уже развиваются, но еще не стали частью НИЭТ в вышеописанном смысле. К ним относятся:

- 1) подход к институтам с позиции игрового равновесия;
- 2) новый институционализм в социологии;

⁴⁵ Для краткого обзора и оценки критики концепции НИЭИ Норта см.: [Zouboulakis, 2005].

* Проблема бесконечного регресса (infinite regression или infinite regress) — одна из сложнейших в методологии науки. Применительно к вопросам причинности суть проблемы бесконечного регресса заключается в том, что причина одного явления есть следствие другого, т. е. встает вопрос о причине причины, и так до бесконечности. — *Прим. пер.*

⁴⁶ О перспективах развития НИЭТ см.: [Furubotn, Richter, 2005, ch. 10].

3) новый институционализм в политологии.

Можно было бы назвать и другие области научных исследований, в частности развивающуюся поведенческую экономику (см., напр.: [Kahneman, 2003]), а также экспериментальную теорию игр (о ранних трудах немецких ученых по этой проблематике см.: [Tietz, 1990]; сборник [Kagel, Roth, 1995] в основном состоит из работ американских авторов). Однако последние две области представляют интерес для экономиста-институционалиста лишь постольку, поскольку они касаются научного объяснения формирования институтов, скажем, в смысле концепции Норта, «изучающего историю с позиций когнитивистики/институционализма».

Институты с позиций игрового равновесия

Мы наблюдаем растущий поток литературы по применению теории игр к институциональным экономическим проблемам. В них используется формализованный подход к экономическому анализу с позиций «невидимой руки». Льюис [Lewis, 1969] и Шоттер [Schotter, 1981] являются одними из первых представителей этой линии мысли. Среди более поздних публикаций следует назвать уже упоминавшиеся работы Грайфа [Greif, 1998b] и Аоки [Aoki, 2001]. Центральной в трактовке институтов как равновесного исхода игры выступает концепция равновесия по Нэшу — состояние игры, при котором ни один из участников не имеет стимула отклоняться от имеющегося у него плана действий до тех пор, пока другие участники игры не делают этого. Здесь важное значение имеют ожидания участников игры в отношении поведения других игроков.

Концепция равновесия по Нэшу интересна по двум причинам. Она объясняет логику самовыполняющегося (self-enforcing) социального феномена (отвечает на

вопрос: кто обеспечивает механизм защиты механизма защиты?) и показывает, что «социальные соглашения» не являются *eo ipso* (тем самым — *лат.*) состоянием гармонии, которое стоило бы искать. Иногда равновесие по Нэшу может быть катастрофически плохим равновесием для всех участников. Однако даже если все участники понимают это, часто никто не имеет стимула отклониться от имеющегося у него плана действий, пока кто-то другой не поступит таким образом.

Вместе с тем трактовка институтов с позиции игрового равновесия отклоняется от НИЭТ в том смысле, в каком это направление экономической теории было определено выше, поскольку в теории игр все возможные стратегические взаимодействия должны быть описаны заранее (информация в этом отношении совершенна), и индивиды действуют тоже совершенно рационально. Что касается трансакционных или информационных издержек, то они не играют никакой существенной роли.⁴⁷ Эти требования несовместимы с базовыми предпосылками о трансакционных издержках, неопределенности и ограниченной рациональности в НИЭТ. Таким образом, с точки зрения неоинституционализма, в том смысле как он был определен выше, трактовка институтов с позиции игрового равновесия могла бы использоваться в лучшем случае как неформализованный стиль мышления, а не как формальная модель. Однако поскольку в рамках свободной беседы можно прийти к опасно неверным заключениям, то, вероятно, было бы предпочтительнее в дополнение к неформальной теоретико-игровой интерпретации социальных явлений применить формальную теорию игр, как это было продемонстри-

ровано, например, при «аналитико-описательном» подходе в [Bates et al., 1998, p. 10 ff.]. Экономист-историк Авнер Грайф является одним из ведущих представителей данного направления.⁴⁸ Он утверждает, что теория игр обеспечивает естественные теоретические основы для исследования самовыполняющихся институтов и рассмотрения института с позиции согласованного равновесия. Теоретико-игровой исторический анализ

...требует контекстуально-специфического стратегического моделирования и *индуктивного* исторического анализа ([Greif, 1997, p. 85], курсив — *P. P.*).

Как упоминалось выше, Аоки [Aoki, 2001] выдвигает сходные аргументы. Институты можно было бы объяснить как выделенное равновесие по Нэшу, достигаемое при многократном повторении внутренней игры. Но поскольку проблемы бесконечного регресса не избежать, то невозможно даже пытаться объяснить природу институтов в мире без институтов. Возвращаясь к аргументу Норта о зависимости от траектории предшествующего развития, Аоки предлагает

...стремиться направить бесконечный регресс к структурам, унаследованным от прошлого... [Aoki, 2001, p. 15].

Однако концепция равновесия по Нэшу, будучи статической, не объясняет, как такое равновесие достигается, или как «работает невидимая рука». Экспериментально это показано с помощью динамических подходов, таких как эволюционная теория игр⁴⁹ или теория (индивидуального) обучения в играх⁵⁰. Они используются для демонстрации на фор-

⁴⁷ Их можно усмотреть в играх с неполной информацией или, в более общем случае, в свойствах «внутренней игры» (*underlying game*) в рамках некоторой рекурсивной игры.

⁴⁸ Его «исторический и сравнительный институциональный анализ» превосходно представлен в [Greif, 1998a].

⁴⁹ Ср.: [Mailath, 1998].

⁵⁰ Ср.: [Fudenberg, Levine, 1999].

мализованном уровне того, как спонтанный порядок мог бы эволюционировать, и, таким образом, обеспечивают математическое обоснование рассуждений в духе Юма, Менгера и Хайека.

В реальной действительности мы едва ли отыщем какие-либо институты, происхождение которых можно объяснить только с позиций «невидимой руки». Менгер [Menger, 1883] соглашался, что (обычная) «прагматическая» интерпретация институтов столь же обязательна, как и предложенный им «органический» подход [Menger, 1883, p. 148]. Поэтому для практиков, в частности менеджеров, законодателей, бизнес-аналитиков или тех, кто занимается анализом политики, желательное использование подходящего сочетания обоих подходов — с позиций как «видимой», так и «невидимой руки». Возьмем проблему предсказания возможных эффектов от принятия нового закона — «созданного» порядка. Что касается его вероятных последствий, то могут возникнуть два типа вопросов, один — более простой, а другой — более сложный. Первый касается прямых эффектов, т. е. результатов функционирования «видимой руки» и требований обеспечения действенности нового правила (например, прямой эффект от запрета на получение процента по ссудам). Более сложный вопрос заключается в том, какими будут результаты функционирования «невидимой руки»? (Для приведенного примера подобного рода вопрос можно сформулировать так: какие финансовые соглашения по уклонению от данного правила можно себе представить?) Поскольку ни один закон не является абсолютно связывающим своими условиями, у граждан всегда есть некоторое пространство для стратегических (оппортунистических) маневров. В этой связи встает ряд важных вопросов. Какое множество неформальных правил может спонтанно вырасти в лакунах правовых рамок и как долго

будет продолжаться такой спонтанный процесс роста? Возможно ли достигнуть некоей устойчивой конечной точки, представляющей собой институциональное соглашение? Может ли эта конечная точка рассматриваться как самоподдерживающееся равновесие? Или закон разрушит сам себя и потерпит крах? Пример, иллюстрирующий последний вариант, можно найти в [Fururbotn, Richter, 2005, p. 29 ff.].

Если оба подхода — с позиций как «видимой», так и «невидимой» руки — разумно применяются *uni sono* (в согласии — *лат.*), то можно полагать, что оба они принадлежат совокупности методов, описываемой термином НИЭТ.

Новый институционализм в социологии

С развитием НИЭТ экономисты все глубже проникали на «территорию» социологов, и последние, естественно, «взялись за оружие». Под знаменем новой экономической социологии (НЭС) (New Economic Sociology) они выстроились в ряд для контратаки. Это движение развернулось в 1980-е гг. в Гарварде с участием бывших студентов Харрисона Уайта, среди которых были Роберт Экклес [Eccles, 1981], Марк Грановеттер [Granovetter, 1985] и Майкл Шварц, а также студента Грановеттера Михаэля Аболафия [Abolafia, 1984]. Независимо от Гарвардской группы к «сражению» присоединились несколько других социологов, и среди них — Сьюзен Шапиро [Shapiro, 1984] и Вивиана Целизер [Zelizer, 1983]. Все они преследовали цель атаковать экономистов путем «разработки социологического подхода, настолько убедительного, насколько это возможно» [Granovetter, Swedberg, 1992, p. 7].⁵¹

⁵¹ Для сравнения НЭС и НИЭТ см.: [Richter, 2001].

В последующие годы число исследований по экономической социологии приобрело поистине взрывной характер, о чем свидетельствуют обзорная статья Барона и Хэннана [Baron, Hannan, 1994], «Руководство по экономической социологии» под редакцией Смелсера и Сведберга [Smelser, Swedberg, 1994; 2005], тематическая подборка статей по социологии и экономике в *Journal of Economic Perspectives* [Gibbons, 2005], а также библиография, опубликованная недавно образовавшейся «Секцией экономической социологии» Американской социологической ассоциации.⁵² Социологи переоткрыли свой старый объект исследования, «институты», и разработали собственный брэнд *нового институционализма*, описание и обсуждение которого можно найти в [Powell, DiMaggio, 1991; Brinton, Nee, 1998]. Однако для наших целей все это не слишком полезно. Предпочтительнее поставить вопрос более общего характера: что экономисты-неоинституционалисты могут почерпнуть из новой экономической социологии? Как представляется, это три момента.

1. Научные основы социологических концепций (частично заново изобретенных неоинституционалистами), которые являются центральными для НИЭТ. Среди них — концепция самих институтов, концепции организаций, порядка, неявных соглашений (*implicit agreements*), отношенческих контрактов, а также концепции соглашения*, идеологии, социального капитала, доверия, индивидуальных предпочтений.

2. Возможность использовать социологические концепции, которые могли бы

дополнить аналитический аппарат НИЭТ. К ним относятся концепции социальных сетей, встроенности (*embeddedness*), социального обмена, деловых групп, культуры, эмоциональных отношений, власти.

3. Умение преодолеть профессиональную болезнь экономистов — радикальное упрощение всех объектов своего исследования — и вместо этого «идти и смотреть» более внимательно и даже не бояться «испачкаться».

Достаточно привести по одному примеру для каждого пункта.

Дополнение 1. Рассмотрим концепцию *отношенческих контрактов*. Она была привнесена в НИЭТ Голдбергом [Goldberg, 1976] и Уильямсоном [Williamson, 1976], которые взяли за основу работы социолога права Маколея [Macaulay, 1963], а также специалиста в области контрактного права Макнейла [Macneil, 1974]. Это частный случай концепции «социальных отношений» Макса Вебера, подробно раскрытой в его работе «Экономика и общество» [Weber, 1968, p. 40 ff.]. Уильямсон применяет концепцию отношенческих контрактов к долгосрочным соглашениям между сторонами, принимающими во внимание факт неполного предвидения. Стороны разрабатывают условия контракта таким образом, чтобы приспособиться к непредвиденным будущим обстоятельствам. Такие контракты неизбежно неполны. Участники приходят к соглашению, явному или неявному, о процедуре (конституции), которая будет использоваться в целях урегулирования возможных проблем. Другими словами, юридическое обеспечение исполнения контракта дополняется или замещается частным порядком улаживания конфликтов (ср.: [Furubotn, Richter, 2005, p. 566]).

Дополнение 2. Бросим взгляд на *социальные сети*. Они определены как множество акторов, отношений между ними, а также их атрибутов. Сетевые отноше-

⁵² «Economic Sociology Section in Formation», Mission Statement (21.12.2000), см.: <http://uci.edu/econsoc/mission.html>

* Соглашением (*convention*) принято называть эволюционно-устойчивое равновесие в игре, которая допускает более одного равновесия. Примерами соглашений являются язык и письменность, меры и веса, деньги. — *Прим. пер.*

ния поднимают проблемы, чуждые чистым диадическим отношениям, а именно проблемы «центрального положения» или «престижа» действующих субъектов, их «социальной позиции» и «социальной роли» [Wasserman, Faust, 1994]. Концепция социальной сети проливает новый свет на теорию конкуренции. Конкуренция может интерпретироваться как борьба акторов за социальное позиционирование [Burt, 1992a]. Позиционирование продавцов или покупателей в сети рыночных отношений — вопрос стратегического значения. Новый актор, входя в существующую сеть, например на рынок или в фирму, оказывается перед сложной задачей позиционирования себя среди уже действующих там акторов и выстраивания связей с ними. Связи между действующими субъектами являются отношениями во времени, в частности — это формальные или неформальные властные отношения в фирме, постоянные контракты (*standing contracts*), потоки рыночных транзакций, социальные отношения. Эти связи могут быть плотными или неплотными, что «зависит от количества (числа) или качества (интенсивности), а также типа (близости к основной деятельности вовлеченных сторон) взаимодействий между членами» [Thorelli, 1986, p. 38]. «Социальная структура» характеризуется силой этих связей. Важную роль в дебатах социологов, работающих в русле НИЭТ, играет концепция «встроенности» в том смысле, в каком она трактуется Грановеттером [Granovetter, 1985], который утверждает, что «экономическое действие имеет место в пределах сетей социальных отношений, образующих социальную структуру» (подробнее об этом см.: [Granovetter, 2005]).

Связи могут быть самоподдерживающимися либо поддерживаться, например, сетевыми иерархиями, как это происходит в вертикально контролируемых бизнес-группах [Hamilton, Feenstra, 1995].

Выстраивание связей с другими действующими субъектами требует невозвратных инвестиций в социальные отношения, т. е. в «социальный капитал» [Burt, 1992b, p. 58].

Дополнение 3. Примером использования подходов «иди и смотри» (*look and see*) или «не бойся испачкаться» (*get your hands dirty*) может служить исследование Мелвилла Дэлтона. Он смог устроиться на работу в *The Milo Fractionating Center*, топ-менеджеры которого не знали, что это было сделано с целью изучения «проблем персонала». Результаты, полученные в *Milo*, описаны в [Dalton, 1959]. Выдержки из данной работы приводятся в [Granovetter, Swedberg, 1992, p. 315–344]. Исследование Дэлтона является конкретным примером, иллюстрирующим наше предположение о том, что формальные правила оставляют достаточно большие лакуны, где начинает действовать «невидимая рука», т. е. спонтанно вырастают неформальные правила. В приведенном примере формальный порядок — это письменный устав организации, который был дополнен неформальным уставом, вросшим в формальный.

Исследование Дэлтона показывает, как «...эта неформальная структура, хотя и отклоняющаяся от того, что ожидалось, фактически дает возможность заводу функционировать» [Granovetter, Swedberg, 1992, p. 315]. Однако важно заметить, что «с точки зрения прибыли и выплачиваемых дивидендов *Milo* был определенно успешен и, по-видимому, хорошо управлялся» ([Dalton, 1959, p. 190n], цит. по: [Granovetter, Swedberg, 1992, p. 315]).

Новый институционализм в политологии

Политология (как политическая экономия) приобретает смысл только в условиях «несовершенств» классической модели, т. е. в модели с положительными

транзакционными издержками и ограниченной рациональностью. Поэтому ее предмет также можно изучать с помощью аналитического инструментария НИЭТ. Как и в социологии, методы новой институциональной экономической теории в последние годы фактически применялись, по крайней мере неявно, в различных областях политологии. Затронутые области включают теорию государства [Levi, 1988; 2002], государственные организации [Shepsle, Weingast, 1987], государственное управление [Weingast, 1984; Мое, 1990], международную организацию [Keohane, 1984], Конгресс США [Weingast, Marshall, 1988], теорию международных организаций [Keohane, 1984], появление и изменение (политических) институциональных устройств [Knight, Sened, 1995], федерализм [Weingast, 1995]. Этот новый институционализм охватывает много подходов, и среди них тот, которому Телен и Стейнмо [Thelen, Steinmo, 1992, p. 7] или Халл и Тэйлор [Hall, Taylor, 1996, p. 943] дают название «институционализм рационального выбора» (rational choice institutionalism). Данное направление научной мысли приближается к НИЭТ, понимаемой в том смысле, который первоначально вкладывался в этот термин в нашей статье. Сюда можно отнести вышеупомянутые работы Леви, Кеохейна или Моу, а также специальные приложения теории игр к определенным ситуациям, что сделано, например, в [Bates et al., 1998] или [Myerson, 2004].

Другой тип институционального анализа в политологии — «исторический институционализм» (historical institutionalism) (см.: [Thelen, Steinmo, 1992, p. 7; Hall, Taylor, 1996, p. 937 ff.]). Согласно Телену и Стейнмо, основное различие между двумя подходами заключается в вопросе формирования предпочтений, которые «трактуются либо как экзогенные (рациональный выбор), либо как эндогенные (исторический институ-

ционализм)».⁵³ Однако последнее допущение принимается также социологами, например Грановеттером [Granovetter, 2002, p. 7]. Во всяком случае, в мире НИЭТ с транзакционными издержками, несовершенной информацией и ограниченной рациональностью множество различных сил могут влиять на то, что именно индивид знает о вариантах выбора, и на то, как он формирует свои предпочтения. Функции предпочтения — неизбежно неопределенные конструкции [Furubotn, Richter, 2005, p. 545].

Что же экономисты могут почерпнуть у политологов? Прежде всего перестать смотреть на основные юридические нормы общества как на нечто изначально заданное в экономической теории. Вернее, включить создание, применение и обеспечение выполнения норм в множество объектов своих исследований. Они также могут рассматривать государственное устройство и экономику как тесно взаимосвязанные компоненты единой системы (на национальном и международном уровнях) и признать возможность принятия экономических решений через политический процесс.⁵⁴

Одного примера будет вполне достаточно. Существует два способа экономического обмена. Первый из них можно назвать «наивным»: торговцы ведут переговоры между собой согласно рыночным правилам, которые они принимают как нечто данное. Второй способ является более «изошренным»: на авансцене тор-

⁵³ См.: [Thelen, Steinmo, 1992, p. 9].

⁵⁴ Это обстоятельство подчеркивал Норт [North, 1971, p. 118]: «Экономисты рассматривают как заданные не только вкусы, технологии и численность населения, но и существующие на данный момент основные юридические нормы, в пределах которых принимаются как рыночные, так и нерыночные решения. Впрочем, теория не признала возможность принятия экономических решений через политический процесс».

говцы ведут переговоры друг с другом, а за кулисами — с правительством. Они пытаются изменить рыночные правила своими методами, например за счет какой-либо неорганизованной третьей группы. В первом случае правила рынка — экзогенная, во втором — эндогенная переменная. Мы получаем два различных типа рыночного равновесия. Первый — классическое экономическое рыночное равновесие. При заданных правилах рынка стороны договариваются о цене, при которой спрос равен предложению. Второй тип — интервенционистское рыночное равновесие, когда достигается равновесие на двух рынках — экономическом и политическом: на экономическом рынке (например, рынке труда) согласована цена, по которой юридически ограниченный спрос и юридически ограниченное предложение уравниваются между собой — неудовлетворенные стороны (например, безработные и потребители) подкуплены или вынуждены принять данную ситуацию. На политическом рынке согласуются те способы вмешательства, которые организованные группы со специальными интересами и те, кто находится у власти, сочтут приемлемыми. Второй случай, возможно, отражает ситуацию на рынке труда в Западной Германии, начиная с первого нефтяного кризиса 1974 г. до, скажем, воссоединения Германии.

В этом контексте заслуживает внимания замечание Олсона [Olson, 1984]. Вместо выяснения вопроса о том, «почему существует безработица, — пишет он, — нужно спросить, кто извлекает выгоду из безработицы?» Во всяком случае, в вышеприведенной трактовке объяснение дается исходя из того, что группы интересов (профсоюзы как представители собственников рабочей силы и ассоциации работодателей как представители собственников капитала и менеджеров) преследуют свои специальные интересы. С этой

точки зрения безработица может интерпретироваться как равновесие по Нэшу. В таком государстве ни один представитель политических партий, профсоюзов, ассоциаций работодателей, СМИ, судов по вопросам труда не имеет стимула отклоняться от имеющегося у него плана действий, пока другие не сделают этого, даже если все осознали, что находятся в «плохом» равновесии. Канцлер, поскольку он всегда является участником игры, не мог занять твердой позиции.*

Для решения данной проблемы вместо подхода, основанного на применении идеи игрового равновесия, можно использовать подход с позиции транзакционных издержек, предложенный Дикситом [Dixit, 1996], который разработал концепцию «структурных рамок политики при наличии транзакционных издержек» (transaction-cost policy framework) — комбинацию Уильямсоновской и Нортвской концепций НИЭТ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, можно сказать, что более приемлемым было бы использование термина «экономическая теория институтов» вместо термина «институциональная экономическая теория». В любом случае термин «НИЭТ» объединяет различные подходы к экономическому объяснению институтов. Согласно проведенному анализу, НИЭТ включает анализ прав собственности, экономическую теорию транзакционных издержек, экономическую теорию контрактов и новый институциональный подход к истории. Все эти теории принадлежат к тому направлению, которое можно назвать «институциональная экономическая теория с позиций „видимой руки“», описывающей

* Имеется в виду канцлер ФРГ в рассматриваемый период. — *Прим. пер.*

(по терминологии Хайека) «сконструированный» порядок. Наряду с Рональдом Коузом, который первым осознал институциональные последствия транзакционных издержек, Оливер Уильямсон и Даглас Норт являются ведущими представителями НИЭТ. Оба подчеркивают важность транзакционных издержек, неопределенности, несовершенной рациональности, методологического индивидуализма. В остальном методы и объекты их исследований значительно различаются.

Уильямсон сосредоточивается на решении ограниченной задачи: показать, что нестандартные контракты купли-продажи не обязательно являются результатом монополистических махинаций. Он обращает внимание на те моменты, которые до него экономистами игнорировались: на поведение сторон после заключения контракта, т. е. на процесс исполнения, контроля и обеспечения исполнения контракта. Основные проблемы возникают из-за специфических для данного контракта инвестиций, неопределенности по Найту и неизбежной вследствие этого неполноты контрактов. Чтобы минимизировать их *post* оппортунизм партнеров по контракту, обе стороны в дополнение к возможным юридическим способам обеспечения исполнения контракта используют частный порядок улаживания конфликтов или даже опираются исключительно на него.

В то время как Уильямсон рассматривает микроэкономические проблемы, абстрагируясь от процесса принятия политических решений, Норт, как экономист-историк, сосредоточен преимущественно на макроэкономических проблемах. Его главная цель — разработка содержательной теории институциональных изменений. Норт стремится к созданию общей теории взаимодействия государственного устройства и экономики. Фактически в своей основе его подход — это применение новой экономи-

ческой теории политики к экономической истории. Норт расширяет предпосылку о несовершенной рациональности, вводя в научный аппарат концепцию идеологии, а также достижения современной когнитивистики.

Однако усилия, направленные на объяснение институтов, не ограничиваются рамками НИЭТ. Представители теории игр проявили интерес к иллюстрации действия механизма «невидимой руки» и логики «самовыполнения», т. е. к возрождению исследований в области экономической теории институтов с позиций «невидимой руки» в соответствии с направлением экономической мысли, представленным линией Юм–Менгер–Хайек. Ими был разработан подход к институтам с позиции игрового равновесия. Однако в реальной жизни вряд ли найдется институт, происхождение которого можно было бы целиком и полностью отнести к результатам действия «невидимой руки». «Сконструированные» порядки (например, новые законы) играют важную роль. Из-за неизбежно неполной информации они оставляют лакуны, в которых спонтанно вырастают неформальные правила. Данное обстоятельство должно приниматься во внимание, если мы хотим предсказать последствия конструирования новых формальных порядков, например новых законов. Поэтому представляется, что практикам, работающим в этой области, стоит обучиться некоторым приемам теоретико-игрового стиля мышления.

Наряду с экономической теорией возрождение интереса к теории институтов испытали также социология и политология. Специалистам в области экономики или юриспруденции было бы небесполезно изучить социологические основы тех концепций, которыми они обычно пользуются (концепций институтов или организаций, социальных отношений, социального капитала, идеологии), а также

тех, которые экономисты применяют реже (в частности, концепций социальных сетей, социального обмена, национальной культуры), и просто обучиться тому, как нужно «идти и смотреть».

Политологи показали, что государственное устройство и экономика — тесно взаимосвязанные компоненты единой системы как на национальном, так и на международном уровнях. Этот аспект все еще в значительной степени игнорируется экономистами, несмотря на работы представителей новой политической экономии, в частности Бьюкенена, Олсона и Норта. Экономисты потеряли свою невинность, как только отвернулись от принципов классического либерального государства⁵⁵ в пользу не-

⁵⁵ Представляется, что классическое либеральное государство устраняется от вопроса о личном богатстве своих граждан и не делает «ни шагу далее, чем это необходимо для обеспечения их защиты друг от друга и внешних врагов; не может быть никаких других конечных целей, во имя которых Государство ограничивало бы свободу граждан» [Humboldt [1792], 1967, p. 52].

которых, хотя и весьма привлекательных, принципов государства всеобщего благоденствия.

Удивительно, но до сих пор применение НИЭТ оставалось довольно ограниченным: на микроуровне — это проблемы отраслевой организации, на макроуровне — экономической истории и экономической теории развития. Ее потенциальные возможности далеко не исчерпаны. Новая институциональная экономическая методология Уильямсона и Норта может быть расширена за счет включения теоретико-игрового инструментария, что позволит применить новый аппарат фактически ко всем проблемам экономической жизни как на национальном, так и международном уровнях. В этой связи я особенно задумываюсь о макроэкономической ситуации в Германии в настоящее время и беспомощных попытках экономистов давать советы политическим деятелям, группам интересов и избирателям на основе добрых старых статических или динамических макромоделей (ср.: [Institut der deutschen Wirtschaft, 2005]).

ЛИТЕРАТУРА

- Abolafia M. Y. 1984. Structural anarchy: Formal organization in the commodity futures markets. In: Adler P. A., Adler P. (eds.) *The Social Dynamics of Financial Markets*. JAI Press: Greenwich, CN; 129–149.
- Alchian A. A. 1961. *Some Economics of Property*. RAND D-2316. Santa Monica, CA.
- Alchian A. A., Demsetz H. 1972. Production, information costs, and economic organization. *American Economic Review* 62 (5): 777–795. (Русск. пер.: 1) Алчян А. А., Демсец Г. 2003. Производство, стоимость информации и экономическая организация. В кн.: Слуцкий А. Г. (ред.). *Вехи экономической мысли. Теория отраслевых рынков*. Т. 5. СПб.: Экономическая школа; 280–317. 2) Алчян А., Демсец Г. 2004. Производство, информационные издержки и экономическая организация. В кн.: Кузьминов Я. И., Автономов В. С., Ананьин О. И. (ред. колл.). *Истоки: Экономика в контексте истории и культуры*. М.: ГУ–ВШЭ; 166–207.)
- Alchian A. A., Demsetz H. 1973. The property right paradigm. *Journal of Economic History* 33 (1): 16–27.
- Aoki M. 2001. *Toward a Comparative Institutional Analysis*. MIT Press: Cambridge, MA.
- Arrow K. J. 1969. The organization of economic activity: Issues pertinent to the

- choice of market versus non-market allocation. In: *The Analysis and Evaluation of Public Expenditures: The PBB-System*. Joint Economic Committee, 91st Congress, 1st Session, Vol. 1. Washington, D. C.
- Arrow K. J. 1974. *The Limits of Organization*. W. W. Norton: N. Y.
- Bajari P., Tadelis S. 2001. Incentives versus transaction costs: A theory of procurement contracts. *Rand Journal of Economics* 32 (3): 381–407.
- Barnard C. [1938] 1962. *The Functions of the Executive*. 15th ed. Harvard University Press: Cambridge. (Русск. пер.: а) Ch. V, см.: Барнард Ч. И. 2004. Функции управляющего. *Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. Менеджмент* (4): 170–186; б) Ch. IX, см.: Барнард Ч. И. 2003. Неформальные организации и их отношения с формальными организациями. В кн.: Шафритц Дж., Хайд А. (ред.). *Классики теории государственного управления: американская школа*. М.: Изд-во МГУ; 125–130.)
- Baron J. N., Hannan M. T. 1994. The impact of economics on contemporary sociology. *Journal of Economic Literature* 32 (3): 1111–1146.
- Bates R. H., Greif A., Levi M., Rosenthal J.-L., Weingast B. R. 1998. *Analytic Narratives*. Princeton University Press: Princeton, NJ.
- Binger B. R., Hoffman E. 1989. Institutional persistence and change: The question of efficiency. *Journal of Institutional and Theoretical Economics* 145 (1): 67–84.
- Binmore K. 1994. *Game Theory and Social Contract II: Just Playing*, MIT Press: Cambridge, MA.
- Binmore K. 1998. *Game Theory and the Social Contract: Just Playing*. Vol. 2. MIT Press: Cambridge, MA.
- Brinton N. C., Nee V. 1998. *The New Institutionalism in Sociology*. Russell Sage Foundation: N. Y.
- Buchanan J. M., Tullock G. 1962. *The Calculus of Consent*. University of Michigan Press: Ann Arbor, MI (Русск. пер.: Бьюкенен Дж. М., Таллок Г. 1997. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии. В кн.: Бьюкенен Дж. М. *Сочинения*. Т. 1. М.: Таурус Альфа; 31–206.)
- Burt R. S. 1992a. *Structural Holes. The Social Structure of Competition*. Harvard University Press: Cambridge, MA.
- Burt R. S. 1992b. The social structure of competition. In Nohria N., Eccles R. G. (eds.). *Networks and Organizations. Structure, Form, and Actions*. Harvard Business School Press: Boston, MA; 57–91.
- Chandler A. D., Jr. 1962. *Strategy and Structure: Chapters in the History of Industrial Enterprise*. MIT Press: Cambridge, MA.
- Chandler A. D., Jr. 1977. *The Visible Hand: The Managerial Revolution in American Business*. Harvard University Press: Cambridge, MA.
- Clague Chr. (ed.). 1997a. *Institutions and Economic Development, Growth and Governance in Less-Developed and Post-Socialist Countries*. Johns Hopkins University Press: Baltimore, London.
- Clague Chr. 1997b. Introduction. In: Clague Chr. (ed.). *Institutions and Economic Development, Growth and Governance in Less-Developed and Post-Socialist Countries*. Johns Hopkins University Press: Baltimore, London; 1–9.
- Coase R. H. 1937. The nature of the firm. *Economica* 4: 386–405. (Русск. пер.: 1) Коуз Р. Г. 1992. Природа фирмы. *Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. Экономика* (4): 72–86 (пер. с англ. В. С. Катькало). 2) Коуз Р. 1993. Природа фирмы. В кн.: Коуз Р. *Фирма, рынок и право*. М.: Дело ЛТД при участии изд-ва Catallaху; 33–53 (пер. с англ. Б. С. Пинскера). Перепечатано в: Гальперин В. М. (ред.). 1995. *Теория фирмы*. СПб.: Экономическая школа; 11–32. 3) Коуз Р. Г. 2001. Природа фирмы. В кн.: Гребенников В. Г. (ред.). *Природа фирмы*. М.: Дело; 33–52 (пер. с англ. Б. С. Пинскера, М. Я. Каждана.)
- Coase R. H. 1960. The problem of social cost. *Journal of Law and Economics* 3 (1): 1–44. (Русск. пер.: Коуз Р. 1993. Проблема

- социальных издержек. В кн.: Коуз Р. *Фирма, рынок и право*. М.: Дело ЛТД при участии изд-ва Catallaxy; 87–141.)
- Coase R. H. 1984. The new institutional economics. *Journal of Institutional and Theoretical Economics* 140: 229–231.
- Coase R. H. 1999. The task of the society. *ISNIE Newsletter* 2 (2): 1–6.
- Coase R. H. 2000. The new institutional economics. In: Ménard C. (ed.). *Institutions, Contracts and Organizations: Perspectives from New Institutional Economics*. Edward Elgar: Cheltenham, UK; 3–6.
- Commons J. R. 1934. *Institutional Economics*. University of Wisconsin Press: Madison, WI.
- Dalton M. 1959. *Men Who Manage: Fusions of Feeling and Theory in Administration*. Wiley: N. Y.
- Davis N., North D. 1971. *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge University Press: N. Y.
- Denzau A. T., North D. C. 1994. Shared mental models: Ideologies and institutions. *Kyklos* 47 (1): 3–31.
- Dixit A. K. 1996. *The Making of Economic Policy. A Transaction-Cost Politics Perspective*. MIT Press: Cambridge, MA.
- Doeringer P., Piore M. 1971. *Internal Labor Markets and Manpower Analysis*. D. C. Heath: Boston, MA.
- Drobak J. N., Nye J. V. C. (eds.). 1997a. *The Frontiers of the New Institutional Economics*. Academic Press: San Diego, CA.
- Drobak J. N., Nye J. V. C. 1997b. Introduction. In: Drobak J. N., Nye J. V. C. (eds.). *The Frontiers of the New Institutional Economics*. Academic Press: San Diego, CA; xv–xx.
- Eccles R. 1981. The quasifirm in the construction industry. *Journal of Economic Behavior and Organization* 2 (4): 335–357.
- Ensminger J. 1992. *Making a Market*. Cambridge University Press: Cambridge, MA.
- Fine B., Milonakis D. 2003. From principle of pricing to pricing of principle: Rationality and irrationality in the economic history of Douglass North. *Comparative Studies in Society and History* 45 (3): 546–570.
- Fudenberg D., Levine D. K. 1999. *The Theory of Learning in Games*. MIT Press: Cambridge, MA.
- Furubotn E. G., Richter R. (eds). 1984a. The New Institutional Economics (Symposium June 6–10, 1983, Mettlach/Saar). *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* (140).
- Furubotn E. G., Richter R. 1984b. Editorial preface. In: Furubotn E. G., Richter R. (eds.). The New Institutional Economics (Symposium June 6–10, 1983, Mettlach/Saar). *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* (140): 1–6.
- Furubotn E. G., Richter R. 1997. Foundation of ISNIE report. *Journal of Institutional and Theoretical Economics* 153: 589–608.
- Furubotn E. G., Richter R. 2005. *Institutions and Economic Theory. The Contribution of the New Institutional Economics*. 2nd revised and extended edition. University of Michigan Press: Ann Arbor, MI.
- Gigerenzer G. 2001. The adaptive toolbox. In: Gigerenzer G., Selten R. (eds.). *Bounded Rationality the Adaptive Toolbox*. MIT Press: Cambridge, MA; 37–50.
- Gigerenzer G., Selten R. (eds.). 2001. *Bounded Rationality the Adaptive Toolbox*. MIT Press: Cambridge, MA.
- Goldberg V. 1976. Regulation and administered contracts. *Bell Journal of Economics* 7 (2): 426–452.
- Granovetter M. 1992. Economic institutions as social constructions: A framework for analysis. *Acta Sociologica* 35 (1): 3–11.
- Granovetter M. 1995a. *Getting a Job. A Study of Contacts and Careers*. 2nd ed. University of Chicago Press: Chicago.
- Granovetter M. 1985/1995b. Economic action and social structure: The problem of embeddedness. *American Journal of Sociology* 91 (3): 481–510. (Reprinted in: Granovetter M. 1995a. *Getting a Job. A Study of Contacts and Careers*. 2nd ed. University of Chicago Press: Chicago; 211–240.) (Русск. пер.: Гранноветтер М. 2004. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности. В сб.: Радаев В. В. (ред.) *Западная*

- экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН; 131–158.)
- Granovetter M. 2005. The impact of social structure on economic outcomes. *Journal of Economic Perspectives* 19 (1): 33–50.
- Granovetter M., Swedberg R. (eds.) 1992. *The Sociology of Economic Life*. Westview Press: Boulder, CO.
- Greif A. 1997. Microtheory and recent developments in the study of economic institutions through economic history. In: Kreps D. M., Wallis K. F. (eds.). *Advances in the Economics and Econometrics: Theory and Applications*. Proceedings of the Seventh World Congress of the Econometric Society, Vol. III. Cantor, U. P.: Cambridge, MA; 79–113.
- Greif A. 1998a. Historical and comparative institutional analysis. *American Economic Review* 88 (2): 80–84.
- Greif A. 1998b. Self-enforcing political systems and economic growth: Late medieval Genoa. In: Bates R. H., Greif A., Levi M., Rosenthal J.-L., Weingast B. R. (eds.). *Analytic Narratives*. Princeton University Press: Princeton, NJ; 23–63.
- Greif A., Laitin D. 2004. A theory of endogenous institutional change. *American Political Science Review* 98 (4): 633–652.
- Grossman S. J., Hart O. D. 1986. The costs and benefits of ownership: A theory of vertical and lateral integration. *Journal of Political Economy* 94 (4): 691–719.
- Hall P. A., Taylor R. C. R. 1996. Political science and the three new institutionalisms. *Political Studies* 44 (4): 936–957.
- Hamilton G. G., Feenstra R. C. 1995. Varieties of hierarchies and markets: An introduction. *Industrial and Corporate Change* 4 (1): 51–92.
- Harriss J., Hunter J., Lewis C. M. (eds.). 1995a. *The New Institutional Economics and Third World Development*. Routledge: London, N. Y.
- Harriss J., Hunter J., Lewis C. M. 1995b. Introduction: Development and significance of NIE. In: Harriss J., Hunter J., Lewis C. M. (eds.). *The New Institutional Economics and Third World Development*. Routledge: London, N. Y.; 1–13.
- Hart O. D. 1995. *Firms, Contracts, and Financial Structure*. Clarendon Press: Oxford.
- Hayek F. A. 1945. The use of knowledge in society. *American Economic Review* 35 (4): 519–530. (Русск. пер.: Хайек Ф. А. 2000. Использование знания в обществе. В кн.: Хайек Ф. А. *Индивидуализм и экономический порядок*. М.: Изограф; Начала-Фонд; 89–101.)
- Hayek F. A. 1948. *Individualism and Economic Order*. University of Chicago Press: Chicago.
- Hayek F. A. 1967. *Studies in Philosophy, Politics, and Economics*. University of Chicago Press: Chicago.
- Hodgson G. M. 1998. The approach of institutional economics. *Journal of Economic Literature* 36 (1): 166–192.
- Humboldt W. von. [1792] 1967. *Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen*. Philipp Reclam, Jr.: Stuttgart.
- Hume D. [1739–40] 1969. *A Treatise of Human Nature*. Penguin: London. (Русск. пер.: Юм Д. 1995. *Трактат о человеческой природе*: В 2-х т. М.: Канон.)
- Institut der deutschen Wirtschaft. 2005. *Vision Deutschland. Der Wohlstand hat Zukunft*. Deutscher Instituts-Verlag: Köln.
- JITE. 1985. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 141.
- JITE. 1986. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 142.
- JITE. 1987. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 143.
- JITE. 1990. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 146.
- JITE. 1994. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 150.
- Kagel J. H., Roth A. E. (eds.). 1995. *The Handbook of Experimental Economics*. Princeton University Press: Princeton, NJ.
- Kahneman D. 2003. Maps of bounded rationality: Psychology and behavioral economics. *American Economic Review* 93 (5): 1449–1475.

- Keohane R. O. 1984. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political and the Competitive Contracting Process*. Princeton University Press: Princeton, NJ.
- Kirzner I. M. 1973. *Competition and Entrepreneurship*. University of Chicago Press: Chicago.
- Knight F. 1922. *Risk, Uncertainty, and Profit*. Harper and Row: N. Y. (Русск. пер.: Найт Ф. Х. 2003. *Риск, неопределенность и прибыль*. М.: Дело.)
- Knight J., Sened I. (eds.). 1995. *Explaining Social Institutions*. University of Michigan Press: Ann Arbor, MI.
- Kornai J. 1971. *Anti-equilibrium*. North-Holland: Amsterdam.
- Langlois R. H. 1986. The new institutional economics: An introductory essay. In: Langlois R. H. (ed.). *Economics As a Process. Essays in the New Institutional Economics*. Cambridge University Press: N. Y.; Ch. 1.
- Levi M. 1988. *Of Rule and Revenue*. University of California Press: Berkeley, CA.
- Levi M. 2002. The state of the study of the state. In: Katznelson I., Milner H. V. (eds.). *Political Science: The State of the Discipline*. American Political Science Association: Norton: N. Y.; Washington, D. C.; 33–55.
- Lewis D. 1969. *Convention: A Philosophical Study*. Harvard University Press: Cambridge, CA.
- Lindenfeld D. F. 1997. *The Practical Imagination. The German Sciences of State in the Nineteenth Century*. Chicago University Press: Chicago.
- Macaulay S. 1963. Non-contractual relations in business: A preliminary study. *American Sociological Review* 28 (1): 55–67.
- Macneil I. R. 1974. The many futures of contracts. *Southern California Law Review* 47 (5): 691–816.
- Mailath G. J. 1998. Evolutionary game theory. In: Newman P. (ed.). *The New Palgrave Dictionary of Economics and the Law*. Vol. 2. Macmillan Press: London; 84–88.
- Ménard C. (ed.) 2000. *Institutions, Contracts and Organizations: Perspectives from New Institutional Economics*. Edward Elgar: Cheltenham, UK.
- Menger C. [1883] 1963. *Problems of Economics and Sociology* (translated by F. J. Nock from the German edition of 1883). University of Illinois Press: Urbana.
- Milonakis D., Fine B. 2005. *Douglass North's Remaking of Economic History: A Critical Appraisal*. Manuscript. Dept. of Economics, University of Crete: Greece.
- Moe T. M. 1990. Political institutions: The neglected side of the story. *Journal of Law, Economics, and Organization* 6 (2, Special issue): 213–253.
- Mueller D. C. 1979. *Public Choice*. Cambridge University Press: Cambridge, MA.
- Myerson R. B. 2004. Political economics and the Weimar disaster. *Journal of Institutional and Theoretical Economics* 160 (2): 187–209.
- Nabli M. K., Nugent J. B. (eds.). 1989a. *The New Institutional Economics and Development, Theory and Applications to Tunisia*. North-Holland: Amsterdam.
- Nabli M. K., Nugent J. B. 1989b. The new institutional economics and economic development: An introduction. In: Nabli M. K., Nugent J. B. (eds.). *The New Institutional Economics and Development, Theory and Applications to Tunisia*. North-Holland: Amsterdam; 3–33.
- Nelson R., Winter S. 1973. Toward an evolutionary theory of economic capabilities. *American Economic Review* 63 (2): 440–449.
- Nelson R., Winter S. 1982. *An Evolutionary Theory of Economic Change*. The Belknap Press of Harvard University Press: Cambridge, MA. (Русск. пер.: Нельсон Р., Уинтер С. Дж. 2002. *Эволюционная теория экономических изменений*. М.: Дело.)
- Nöldecke G., Schmidt K. 1995. Sequential investments in options to own. *Rand Economic Journal of Economics* 29 (4): 633–653.
- North D. C. 1971. Institutional change and economic growth. *Journal of Economic History* 31 (1): 118–125.

- North D. C. 1978. Structure and performance: The task of economic history. *Journal of Economic Literature* **16** (3): 963–978.
- North D. C. 1981. *Structure and Change in Economic History*. Norton: N. Y., London.
- North D. C. 1984. Government and the cost of exchange. *Journal of Economic History* **44** (2): 255–264.
- North D. C. 1986. The new institutional economics. In: Furubotn E. G., Richter R. (eds.). *The New Institutional Economics* (Symposium June 1985, Saarbrücken). *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* (142): 230–237.
- North D. C. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge University Press: Cambridge, MA. (Русск. пер.: Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала».)
- North D. C. 1995a. The new institutional economics and third world development. In: Harriss J., Hunter J., Lewis C. M. (eds.). *The New Institutional Economics and Third World Development*. Routledge: London, N. Y.; 17–26.
- North D. C. 1995b. The Adam Smith address: Economic theory in a dynamic economic world. *Business Economics* **30** (1): 7–12.
- North D. C., Thomas R. P. 1973. *The Rise of the Western World: A New Economic History*. Cambridge University Press: Cambridge, CA.
- Olson M. 1965. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Harvard University Press: Cambridge, MA. (Русск пер.: Олсон М. 1995. *Логика коллективных действий. Общие блага и теория групп*. М.: Экономика.)
- Posner R. A. 1993. The new institutional economics meets law and economics. *Journal of Institutional and Theoretical Economics* **149** (1): 73–87.
- Powell W. W., DiMaggio P. J. (eds.). 1991. *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. University of Chicago Press: Chicago.
- Richter R. 2001. *New Economic Sociology and New Institutional Economics*. Paper presented at the Annual Meeting of the International Society for New Institutional Economics, September 2001. <http://www.uni-saarland.de/fak1/fr12/albert/mitarbeiter/richter/institut/revise4.pdf>
- Rutherford M. 1994. *The Old and the New Institutionalism*. Cambridge University Press: Cambridge, CA.
- Rutherford M. 2001. Institutional economics: Then and now. *Journal of Economic Perspectives* **15** (3): 173–194.
- Samuelson P. A. 1968. What classical and neoclassical monetary theory really was. *Canadian Journal of Economics* **1** (1): 1–15.
- Schneider F., Pommerehne W. W., Frey B. S. 1981. Politico-economic interdependence in a direct democracy: The case of Switzerland. In: Hibbs D. A. (ed.) *Contemporary Political Economy: Studies on the Interdependence of Politics and Economics*. North-Holand: Amsterdam.
- Schotter A. 1981. *The Economic Theory of Social Institutions*. Cambridge University Press: Cambridge, MA.
- Schumpeter J. 1908. *Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie*. Duncker und Humblot: Berlin.
- Schweizer U. 1999. *Vertragstheorie*. J. C. B. Mohr (Paul Siebeck): Tübingen.
- Selten R., 2001. What is bounded rationality? In: Gigerenzer G., Selten R. (eds). 2001. *Bounded Rationality the Adaptive Toolbox*. MIT Press: Cambridge, MA; 13–36.
- Shapiro S. 1984. *Wayward Capitalists: Target of the Securities and Exchange Commission*. Yale University Press: New Haven.
- Shelanski H. A., Klein P. G. 1995. Empirical research in transaction cost economics: A review and assessment. *Journal of Law, Economics, and Organization* **11** (2): 335–361.
- Shepsle K. A., Weingast B. R. 1987. The institutional foundations of committee power. *American Political Science Review* **81** (1): 85–104.

- Simon H. 1957. *Models of Man — Social and Rational*. Wiley: N. Y.
- Simon H. A. 1987. Bounded rationality. In: Eatwell J., Milgate M., Newman P. (eds). *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*. Vol. 1. Macmillan: London; 266–268.
- Smelser N. J., Swedberg R. (eds.). 1994. *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton University Press: Princeton, NJ.
- Smelser N. J., Swedberg R. (eds.). 2005. *The Handbook of Economic Sociology*. 2nd ed. Princeton University Press: Princeton, NJ.
- Thelen K., Steinmo S. 1992. Historical institutionalism in comparative politics. In: Steinmo S., Thelen K., Longstreth F. (eds.). *Structuring Politics. Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge University Press: Cambridge, MA; 1–32.
- Thorelli H. B. 1986. Networks: Between markets and hierarchies. *Strategic Management Journal* 7 (1): 37–51.
- Tietz R. 1990. On bounded rationality: Experimental work at the university of Frankfurt/Main. *Journal of Institutional and Theoretical Economics* 146: 659–672.
- Varian H. R. 1993. *What Use is Economic Theory?* Working Paper No. 93-4. Department of Economics, University of Michigan: Ann Arbor.
- Wallis J. J., North D. C. 1988. Measuring the transactional sector in American economy, 1870–1970. In: Engerman S. (ed.). *Long-term Factors in American Economic Growth*. University of Chicago Press: Chicago.
- Ward B. N. 1971. Organization and comparative economics: Some approaches. In: Eckstein A. (ed.). *Comparison of Economic Systems*. University of California Press: Berkeley, CA; 103–121.
- Wasserman S., Faust K. 1994. *Social Network Analysis. Methods and Applications*. Cambridge University Press: Cambridge, CA.
- Weber M. 1968. *Economy and Society. An Outline of Interpretative Sociology*. University of California Press: Berkeley, CA.
- Weingast B. R. 1984. Congressional-bureaucratic system: A principal agent perspective, with applications to SEC. *Public Choice* 44 (1): 147–191.
- Weingast B. R. 1995. The economic role of political institutions: Market preserving federalism and economic development. *Journal of Law, Economics, and Organization* 11 (1): 1–31.
- Weingast B. R., Marshall W. 1988. The industrial organisation of Congress. *Journal of Political Economy* 96 (1): 132–163.
- Williamson O. E. 1971. The vertical integration of production: Market failure considerations. *American Economic Review* 61 (2): 112–123. (Русск. пер.: Уильямсон О. И. 1995. Вертикальная интеграция производства: соображения по поводу неудач рынка. В кн.: Гальперин В. М. (ред.). *Теория фирмы*. СПб.: Экономическая школа; 33–53.)
- Williamson O. E. 1973. Markets and hierarchies: Some elementary considerations. *American Economic Review* 63 (2): 316–325.
- Williamson O. E. 1975. *Markets and Hierarchies. Analysis and Antitrust Implications*. Free Press: N. Y.
- Williamson O. E. 1976. Franchise bidding for natural monopolies — in general and with respect to CATV. *Bell Journal of Economics* 7 (1): 73–104.
- Williamson O. E. 1981. The modern corporation: Origins, evolution, attributes. *Journal of Economic Literature* 19 (4): 1537–1568.
- Williamson O. E. 1985a. Reflections on the new institutional economics. In: Furubotn E. G., Richter R. (eds). *The New Institutional Economics (Symposium June 26–29, 1984, Mettlach/Saar)*. *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft* (141): 187–195.
- Williamson O. E. 1985b. *The Economic Institutions of Capitalism*. Free Press: N. Y. (Русск. пер.: Уильямсон О. И. 1996. *Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» трактовка*. СПб.: Лениздат.)

- Williamson O. E. 1993a. The evolving science of organization. *Journal of Institutional and Theoretical Economics* 149 (1): 36–63.
- Williamson O. E. 1993b. Transaction cost economics meets Posnerian law and economics. *Journal of Institutional and Theoretical Economics* 149 (1): 99–118.
- Williamson O. E. 2000. The new institutional economics: Taking stock, looking ahead. *Journal of Economic Literature* 38 (3): 595–613.
- Zelizer V. A. 1983. *Morals and Markets: The Development of Life Insurance in the United States*. Transaction Press: New Brunswick.
- Zouboulakis M. 2005. On the evolutionary character of North's idea of institutional change. *Journal of Institutional Economics* 1 (2): 139–153.

*Статья поступила в редакцию
8 ноября 2005 г.*